

ИСТОРИЧЕСКОЕ
ОРУЖИЕ

АНДРЕЙ
ЕГОРОВ

БАЛАНСОВАЯ
СЛУЖБА

Андрей Игоревич Егоров

Балансовая служба

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=133268

Балансовая служба: Эксмо; Москва; 2006

ISBN 5-699-14767-5

Аннотация

Вот уж не ожидал Ваня Митрохин, любимчик фортуны и почти олигарх, что однажды вломятся к нему крепкие ребята из загадочной Балансовой службы и потребуют «поделиться». И не с властью или местными бандюками, а с каким-то «балансовым двойником», которому, мол, от Ваниных успехов никакой жизни не стало. Естественно, послал... Кто ж от себя добровольно кусок оторвет? А когда понял, что попал по-крупному, оставалось только бежать. Сначала к колдунье, а потом куда подальше. Можно сказать, за границы времен. Где даже джинны не достанут...

Содержание

* * *	4
Балансовая служба учит:	7
Хазгаард 12006 г. до н.э.	9
Нью-Йорк 2006 г. н.э.	12
Хазгаард 12007 г. до н.э.	19
Москва 2006 г. н.э.	37
Хазгаард 12007 г. до н.э.	111
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Андрей Егоров

Балансовая служба

Меж всевозможных существ, которые дышат и ходят,

*Здесь, на нашей земле, человек наиболее жалок...
Гомер (джинн, которого принято считать человеком)*

*Стоит помнить о том, что раса джиннов
представлена тремя основными видами существ:
зловещие силаты, могучие ифриты и коварные
гулы.*

*«Тайноведение» Рудольфа Штаммера Краткое
введение в курс общемировой истории*

Мир далекого прошлого. Широкие равнины.

Вздыбленная белыми барханами, теряющаяся в мареве за горизонтом пустыня. Подпирающие небеса высокие горы. Глубоководные реки. Зелено-желтое море. Каменные города на скалистых, вылепленных стихией берегах...

Минут тысячелетия, и все, что создали люди, будет разрушено. Серыми руинами вrastут в землю города. Дерево и камень, обработанные руками человека, перемелют в труху жернова безжалостной вечности. Время бессловесно и бес-

сердечно, как пустота между мирами. Оно обращает минувшее в пыль, растворяет в быстротечном хаосе мира все, чем веками жили целые народы.

Оставив за спиной тлен и умирание, из минувших эпох, через каменный, бронзовый и железный века, разными дорогами населяющие древний мир расы направляются в будущее.

Одни по воле Черного божества вознесутся к самым вершинам мистических знаний, обретут божественную силу – и в могуществе своем уподобятся богам.

Другие по воле Белого божества пойдут по пути технического прогресса и заплатят за свой выбор жалким существованием в единственном доступном для них материальном измерении, среди множества бессмысленных вещей. Топор каменный, топор железный, седло, колесо, кресло-качалка, телега, поплавок, письменный стол, – радиоприемник, автомобиль, презерватив, самолет, ракета, атомная бомба, мобильный телефон, персональный компьютер...

Все эти предметы – лишь блеклая оболочка пустой жизни.

Вместо стремления переделать мир низшей расой управляют простые, низменные чувства. Главной движущей силой для человека во все времена остается жажда наживы. Забывая об истинных ценностях, люди воюют меж собой за право обладания землей и сокрытыми в ее недрах богатствами. Разобщенные и слабые, простые смертные, впав в отчаяние пустого бытия, воздвигают храмы, чтобы молиться в них придуманным богам, забыв об истинных богах – Черном и

Белом, – создателях этого мира.

* * *

На зов тех немногих, кому дано почувствовать несовершенство материального мира и кто вызывает с искренним отчаянием или же может применить магическое умение, явится Балансовая служба. Наделенные божественной силой представители победившей в борьбе между Черным и Белым началом расы внимательно следят за равновесием в антропоморфных полях планеты.

Балансовая служба учит:

Никогда не забывай о своем балансовом двойнике.

Если ты достойный представитель своего ограниченного материей мира – помни, твое благополучие может повредить балансовому двойнику.

Брось работу, ибо работа – источник материальных ценностей, нарушающих баланс.

Разрушай свой организм наркотиками и алкоголем и не бойся болезненной дряхлости, ибо здоровый физис может нарушить баланс. Что же касается душевного и физическо-го нездоровья, оно является признаком покорности судьбе и соблюдения верных балансовых норм.

Расстанься с любимой женщиной и живи с самой уродливой и бесчестной девкой, какую только удастся отыскать в единственном доступном для человека измерении материального мира. Мучайся и страдай от измен и скандалов, вспоминай с тоской о своей далекой возлюбленной, пей горькую и будь всем доволен, ибо счастливая семейная жизнь может плохо сочетаться с одиночеством твоего балансового двойника.

Раздай свои накопления бедным, а последнюю рубашку отдай тому, кто в ней нуждается больше тебя. Даже если это сытый налоговый инспектор или воротила теневого бизнеса. Верь, воротник последней рубашки сомкнется на его толстой

шее подобно удавке, когда его призовет к ответу Балансовая служба. Тебе же станет дышать много легче.

Помни, ты должен быть бдителен и предупредителен, человек двадцать первого века. Ограничивай собственные амбиции и устремления по мере возможностей. Даже малое благосостояние, даже скудная толика счастья может привести к нарушению баланса.

Приведи свои дела в баланс с делами балансового двойника, и ты можешь быть уверен: равновесие в антропоморфных полях планеты достигнуто, и тебе никогда не придется столкнуться с представителями Балансовой службы.

Помни, человек двадцать первого века, баланс – превыше всего!

Хазгаард 12006 г. до н.э.

Они сошлись в последней битве между прошлым и будущим...

Богочеловек козырьком приложил ладонь к близоруким глазам, в слепящем свете яркого солнца сияясь рассмотреть, как будут двигаться враги человечества.

Владыка Саркон вел через перевал легионы. Высокогогорье здесь сглаживалось, плавно спускаясь в долину. Джинны шли по пологому склону плотными рядами. Впереди – краснорожие ифриты, чьи глаза отливали небесной синью. За ними силаты, пешие и сидящие в обитых красной бронзой повозках. Головы крепких, словно высеченных из камня эвкусов покачивались в такт движению. Ехали, сохраняя зловещее молчание. Только сотенные время от времени покрикивали, если кто-нибудь из воинов-ифритов мешкал, бросал вожделяющие взгляды вверх, туда, где плыли в лазоревых небесах рыжеволосые, белолицые, крылатые гулы. Их свободные одежды развевались на ветру, лепили тонкое телесное совершенство. Каждая, словно античная статуя – богиня войны Афина, сжимающая в руке небесное копьё. Вооружение ифритов составляют громовые молоты. Силаты несли перед собой, подняв к подбородку, огненные мечи. Красные сполохи сияли на плоских лицах, широких плечах...

Богочеловек обернулся. С приближением воинства Сар-

кона люди заметно притихли: умолкли голоса, шорохи. Казалось, они даже дышать боятся, скованные первобытным ужасом. Сказывались сотни лет господства расы джиннов. При одном упоминании имени великого силата Саркона человек падал ниц. А теперь стоит здесь, на своей земле, пришел, чтобы биться с самой могущественной силой в мире за свободу.

Богочеловек нахмурился: хотя никто не показывал врагу спину, защитники свободного человечества представляли собой весьма жалкое зрелище, отвернулся и пробормотал: «Все равно победим!», демонстрируя божественное упрямство и истинно человеческую непокорность судьбе...

На перевале появился сам Саркон. Грозный владыка Хазгаарда восседал на огромном черном эвкусе. Отливающая красным грива, жесткая, как сапожная щетка, топорщилась меж острых ушей благородного животного.

Богочеловек сцепил ладони так, что костяшки побелели от напряжения, и стал проговаривать слова. Затем медленно развел руки в стороны. Его пальцы беспрестанно шевелились, гибкие и быстрые, как лапы пустынного тарантула. Воздух загустел, пошел рябью, и перед богочеловеком формировалась выпуклая линза, в которой ноздреватое, бледное лицо Саркона проявилось совсем близко, словно на экране широкоформатного телевизора.

Выражение лица различить не представлялось возможным – слишком расплывчатым получилось изображение. Бо-

гочеловек досадливо поморщился, протянул руку и покрутил невидимое колесико, настраиваясь на резкость. Картинка придвинулась и обрела четкость. Теперь он мог видеть, что его враг улыбается. Происходящее забавляло Саркона!

– Я тебе сейчас Сталинград устрою! – пообещал богочеловек. – Рыдать будешь кровавыми слезами, собака!

Нью-Йорк 2006 г. н.э.

Если вам случалось бывать на окраине ночного Нью-Йорка, где-нибудь в напоминающем город после бомбардировки Бронксе или трущобном сером Квинсе, вам должно быть знакомо то неуютное чувство, какое возникает у всякого, кто волею судьбы оказался в одном из самых неблагополучных районов этого суетливого, шумного города.

Когда темнеет, Нью-Йорк меняется. Деловой шаг одетого с иголки клерка сменяется вихляющей походкой размалеванной проститутки. На улицы вползает темное облако людей, ведущих жизнь за гранью закона...

Вот стоит в подворотне тощий типчик, крысиными глазками шныряет по полупустой улице, держит руки в карманах мягкого пиджака. Ищет подвыпивших прохожих, чтобы тиснуть бумажник, снять часы.

А вот толпа праздной молодежи расселась на ступенях заброшенного здания, каких немало в Нью-Йорке. Передают друг другу плотно скрученные джойнты, отхлебывают коку с возбуждающей примесью из жестяных банок.

Гостиница темнеет рядами выбитых окон. Вокруг свалены в беспорядке черные мешки с мусором, стоит длинный ряд пластиковых контейнеров.

По одному на каждого жильца.

Мелкие шопы уже закрылись. Хозяева задвинули желез-

ные жалюзи, украшенные «настенной живописью». Оттирать их бесполезно. С наступлением ночи желающих заняться искусством граффити великое множество. Вот и приходится терпеть цветастый узор из огромных букв и непристойных изображений.

Рядом кузова разобранных автомобилей. Стоят и ждут, пока районные службы позаботятся о том, чтобы убрать их с улицы. Случится это не иначе как ко второму пришествию! А сын божий, как известно, не спешит. Дождается, пока грехи людей перевесят чашу небесного терпения.

У покосившегося столба несколько разряженных в яркие тряпки девиц, чья профессия очевидна для всякого. Рядом статный молодец – латинос, с зачесанными назад волосами воронова крыла, в черном костюме и ярко-красной рубашке с воротником навывпуск. Похлопывает расческой по открытой ладони. Афроамериканец (не вздумайте назвать его нигером) приторговывает на углу белым порошком.

«Эй, снежок, тебе снежок не нужен?!» Ха-ха-ха.

Смеется только что придуманному каламбуру. Правда, он уже изобрел его однажды. На прошлой неделе. Но после бурного уикэнда успел забыть.

Перспектива появления полицейской машины никого не пугает. Полицейские сюда забираются редко. Что, у нью-йоркских копов других дел нет?

Полиция предпочитает защищать богатых налогоплательщиков. А золотые и платиновые кредитные карточки в тру-

щобы не заглядывают. Небезопасно здесь находиться, если у тебя ботинки дороже десяти долларов.

Вдоль улицы идет какой-то странный тип в линялой широкополой шляпе и сером от пыли костюме, в сопровождении высокого белокожего красавца в черном плаще с пятиконечной серебряной звездой на груди...

Постойте-ка. Эта парочка совсем не вписывается в пейзаж вечернего Нью-Йорка. Бродяга должен в этот час уже порядком принять на грудь – его любимый «Джонни Red Label» на распродаже в супермаркете по доллару за бутылку – и спать, зарывшись в картонные коробки, а красавец допивать вечерний коктейль возле бассейна где-нибудь на Манхэттене или, на худой конец, в Бруклине.

А они шагают вдвоем, будто парочка неразлучных друзей. Удивительно, но никто не обращает на них внимания. Вот они беспрепятственно проследовали мимо сидящей на ступенях молодежи, миновали перекресток (проститутки скользнули по ним безразличным взглядом), свернули на боковую улочку и дошли до сетчатого забора, ограждающего небольшой пустырь.

Раньше здесь стояла деревянная развалюха, где иногда ночевали бездомные и наркоманы, потом власти решили снести заброшенный дом, чтобы освободить участок под застройку. Но, как это часто бывает в Нью-Йорке, бумагами завладело одно предприимчивое агентство недвижимости, желающее получить за место слишком высокую цену. За пять

лет, пока велась продажа, пустырь порос сорняками и превратился в свалку отходов жизнедеятельности обитателей трущоб.

– Сюда, – красавец с пятиконечной звездой на груди отодвинул прорванную сетку, выругался и отшвырнул старую велосипедную раму, по-английски он изъяснялся с легким акцентом.

Бродяга кивнул и полез в дыру первым. Его спутник – следом.

Оказавшись на пустыре, парочка повела себя более чем странно. Красавец задрал голову к небесам и, сложив руки на груди, принялся ходить туда-обратно – от забора к каменной стене магазина подержанных драгоценностей. При этом он поминутно наступал в отбросы, спотыкался о пакеты с мусором и ругался на незнакомом языке. Извлек из кармана горсть серого порошка и пошел по кругу, временами покрикивая невнятно, как глухонемой.

Что именно – не различить, даже если специально прислушиваться. Возвысил голос. Теперь резкие, гортанные выкрики прорезали тишину погруженного в сумрак квартала. Но и на эти неуместные в этот час вопли почему-то никто не обращал ровным счетом никакого внимания.

Бродяга пару минут понаблюдал за действиями своего спутника, одобрительно крякнул, уселся на старую крышку и достал сигареты в мятой бумажной пачке. «Native». Производят в резервации в обход всех государственных за-

конов. Из индейского сырья. Зато двести штук стоят всего шестнадцать долларов. Дешевенькая зажигалка никак не хотела давать огонь, пришлось чиркнуть кремнем не меньше десяти раз, пока наконец не появился слабый язычок пламени. Бродяга с удовольствием затянулся и уставился в ночное нью-йоркское небо.

Он любил вот так просто сидеть, курить и глазеть в небеса. Ему представлялось, что оттуда на него точно так же глазет какой-нибудь небритый и потрепанный ангел. И когда-нибудь он, возможно, спустится на Землю, хлопнет его по плечу и скажет: «Черт побери! Привет, Джек! Привет, дружище!» Ясная лунная ночь. На черном небе посверкивают разноцветные крупинки. А хорошо!

Хорошо-то как! Бродяга выдохнул дым. Когда сизые клубы рассеялись, он заметил, что среди звезд появилась отчетливая яркая точка. Она стремительно росла, увеличиваясь в размерах. Вспышка яркого света ослепила бродягу, он вскрикнул, прикрыл глаза. А когда отнял ладонь от лица, на пустыре их было уже четверо. Во мраке ночи силуэты пришельцев казались огромными. Они стояли, не шевелясь, плечом к плечу, наблюдали за ним и, казалось, чего-то ожидали. Бродяга почувствовал страх и вскочил на ноги. Сигарета выпала из дрожащих пальцев.

– Все в порядке, – успокоил его медиум, тронул звезду на груди и поклонился пришельцам. – Мы вас ждали. – Кинул многозначительный взгляд на бродягу:

– Возрадуйся, человек, твой зов услышан!

– Хей, а я уже радуюсь, – Джек сорвал с головы мятую шляпу и прижал к груди. – Привет, парни! Вы похожи на диких необъезженных мустангов.

Он считал, что это лучший комплимент, какой ему доводилось слышать в жизни.

– А ты на мешок с дерьмом! – пробасил один из пришельцев.

Повисла пауза.

– Чего это он?! – опешил бродяга.

– Такой уж у них характер, – пояснил медиум, – я же предупреждал.

– А у меня тоже характер, между прочим... – Он хотел добавить крепкое словцо, но тут один из пришельцев шевельнул тяжелой челюстью, и бродяга прикусил язык. В буквальном смысле. Даже вскрикнул от боли.

– Итак, – медиум тронул звезду на груди, – я вызвал вас с тем, чтобы вы привели дела этого человека к балансу.

– Этого пса смердящего? – уточнил пришелец, оглядывая человека маленькими черными глазками.

– Его самого, – кивнул медиум, кинул взгляд на Джека, тот мычал что-то нечленораздельное, зажав язык между большим и указательным пальцами. – Успокойся, – сказал он. – Это сейчас ты смердящий. А в скором времени дела твои поправятся, и будешь благоухать, как розовый куст.

– На... д... эюсь, – выдавил бедняга, разглядывая явив-

шуюся из другого мира парочку с недоверием. Над их широкими плечами клубился мрак, густел вокруг белесых лиц иссиня-черной аурой, расползлся вокруг щупальцами, опутывая весь пустырь.

Бродяге почудилось, что два пришельца – гигантские осьминоги, чьи гибкие конечности тянутся к нему, чтобы сжать его тело удушающими, упругими кольцами. И выдавить из него по капле бессмертную душу. Он понял внезапно, что уже поздно что-нибудь изменить, потому что так не бывает, чтобы время обратилось вспять.

Луна полыхнула белым пламенем, пятиконечная звезда на груди медиума сверкнула, как бриллиант на ярком солнце. Отблеск лег на лица пришельцев. Джек увидел маленькие лютые глазки и сжатые в саркастических усмешках тонкогубые рты. Он вскрикнул и отшатнулся, закрываясь от страшных существ ладонью...

Хазгаард 12007 г. до н.э.

Когда ветер задувает с запада, горячий воздух насыщается сухой песчаной крупой. Острые песчинки колют опаленную солнцем кожу, забиваются в нос и рот, лишают дыхания. Песок скрипит на зубах, режет глаза, от чего они беспрестанно слезятся. И все вокруг обращается в желтое, враждебное марево. И невозможно даже представить, что когда-нибудь проклятый западный ветер сменится восточным, южным или северным собратом.

С запада и с юга песка летит гораздо меньше.

А восточный ветер люди на руднике зовут ласковым – низкая горная гряда не дает ему сделаться порывистым и злым. Восточный ветер ласкает воспаленную кожу теплым дыханием, оглаживает плечи мягкой ладонью. Только он не прилетал уже несколько месяцев...

Ты идешь по горному склону, по протоптанной в камне тропинке, снова и снова поднимаясь и спускаясь к подножию, в руках у тебя тяжелая ноша, ступни стерты в кровь, спина налита свинцом, а в голове совсем не осталось мыслей. Одни только проклятия. Ты проклинаешь солнце, проклинаешь западный ветер, проклинаешь колючий песок и, конечно. Балансовую службу. Ее еще и в помине нет, этой самой распроклятой службы, но именно из-за нее тебя самым невероятным образом занесло на эти богом забытые медные

рудники...

* * *

Кнут щелкнул, оставив на тощей спине раба кровавый рубец. Он вскрикнул, выгнулся дугой и уронил тяжелую ношу. Медный поднос ударился о землю, руда рассыпалась. Раб упал на колени и, сжав до боли зубы, уставился в черную, выжженную горячим солнцем землю.

Под ним была насыщенная медью горная порода, над ним – синее небо и уносящиеся за горизонт грязно-серые облака. А между землей и небом застыл он, человек иной эпохи, доведенный до отчаяния, сжался, ожидая нового удара.

Красноглазый надсмотрщик Хазар'ра, родовитый силат, великан двух с лишним метров роста, заворчал. Верхняя губа приподнялась, обнажив ровный ряд сужающихся книзу, похожих на кинжалы белой стали зубов.

– Вставай! – взревел он и ткнул раба кнутовищем.

Тот выдохнул и стал медленно подниматься.

Тощие ноги с трудом держали тело, впалый живот подрагивал слабым дыханием, с выжженного жарким солнцем, темного лица катились капли пота.

– Собери! – приказал надсмотрщик.

Не глядя на мучителя (любой взгляд мог вызвать у него новую вспышку гнева), раб дрожащими руками принялся собирать руду.

– Я тебе еще покажу, – бормотал он едва слышно, – курва красноглазая. Ты у меня узнаешь, как угнетать русского человека, сукин ты сын!

– Быстрее! – рывкнул надсмотрщик. Раб вздрогнул и замер, ожидая нового удара, но его не последовало. – Быстрее! – послышался повторный приказ.

Он заторопился. Собрав темные комья руды с красноватыми вкраплениями металла, с трудом поднял поднос. Вытянулся перед надсмотрщиком, стараясь не смотреть ему в лицо – подбородок упирается в грудь, взгляд направлен на грязные ступни с длинными желтыми ногтями.

– Пшел! – Надсмотрщик пихнул раба, и тот послушно заковылял вниз по склону, усеянному обломками горной породы, затерялся в цепи таких же, как он, худых, измученных непосильным трудом людей.

Вверху гора вся была изрыта ходами. Одни невольники трудились в шахтах, отбивая ценную породу тяжелыми молотками и кирками, другие носили руду вниз, к подножию.

Надсмотрщик лениво наблюдал за рабами, похлопывая кнутом по голенищу сапога. Его глаза постепенно обретали естественный цвет, гневливая краснота уходила, сменяясь иссиня-черным. К низшей расе Хазар'ра не испытывал жалости, одно только холодное презрение. Здесь, на рудниках, люди умирали сотнями. И каждый день синедрион присылал новых рабов. Чаще всего преступников, пойманных на материке и островах Южного моря.

Но случилось, что и простую деревенщину. По приказу синедриона ифриты наведывались в ближайшие деревни и забирали всех мужчин, которые могли работать.

Порой джинны совершали набеги на соседствующие с Хазгаардом земли. Кое-где на территориях, подвластных иным властителям, еще можно было встретить дикие племена людей. Все они находились на самой низшей ступени "развития – охотились с заточенными палками на мелкое зверье, собирали грибы и ягоды.

Если бы власть великого силата Саркона, истинного посланника Черного божества, распространилась на эти земли, он смог бы разумно распорядиться новыми человеческими ресурсами. Привлечь людей к труду на рудниках и в карьерах, обучить ремеслу – строительству, выделке шкур, ковке простого оружия и доспехов. Люди должны работать день и ночь во славу и процветание великой империи Хазгаарда!

С каждым годом всеведущий, обладающий уникальным даром проникать своим взглядом всюду владыка Саркон прибирал к рукам все больше земель. В том, что когда-нибудь в его власти окажется весь мир, надсмотрщик Хазар'ра не сомневался.

Как не сомневался ни один джинн от самого Южного моря до делившей материк надвое высокой горной гряды;
– Ахлан! – услышал он и обернулся.

Расталкивая рабов, щедро раздавая оплеухи, по склону поднимался ифрит-воин. Отряд южного крыла синедриона

прибыл на рудники два дня назад.

Посланник синедриона рекрутировал наемников в армию Хазгаарда. Желających убраться с изрытой шахтами горы всегда находилось в избытке, но на службу брали только самых крепких и выносливых.

Хазар'ра отнесся к новой государственной инициативе с неудовольствием. То, что людей теперь принимают в войско Саркона, не давало ему покоя. Тем самым людей как бы равняли с джиннами. И хотя из бывших рабов формировали легионы смертников – авангард армии Хазгаарда" надсмотрщик не мог подавить раздражения.

Наблюдая за идущим к нему воином, он почувствовал злобу. Но соблюсти ритуал счел необходимым.

– Ахлан, – проговорил он и бросил, не сумев сдержать ярости:

– Чего тебе, ифрит?!

– Мудрейший хочет тебя видеть, – пробасил воин.

– Вот как, – надсмотрщик пробежался взглядом по веренице рабов, тащивших вниз подносы с медной рудой, и счел, что его кратковременное отсутствие вряд ли вызовет остановку работы. – Идем...

Они двинулись к подножию. Рабы торопливо сторонились, опасаясь увесистых кулаков ифрита и жгучего кнута силата.

"Что за дело ко мне у Мудрейшего? – размышлял надсмотрщик. – Разве что он хочет и мне предложить стать во-

ином и вступить в воинство Саркона. Но я никогда не буду воином. Я не обучен тому, чтобы держать в руке огненный меч или небесное копьё. Мой отец всю жизнь был надсмотрщиком и загонщиком. И я всегда буду надсмотрщиком и загонщиком. Я никогда не буду носить магическое оружие воинов-джиннов вместо кнута, удлиненного курука¹ и огненного кинжала.

Никогда!"

Мудрейший поступил предусмотрительно, раскинув шатер в сотне метров от рудоносной горы.

Медная жила на самом верху выходила на поверхность, и отдельные каменные пласты ближе к вершине устойчивостью не отличались. Слишком часто случались осыпи и обвалы, под которыми гибли люди. А порой и джинны.

Конечно, среди силатов таких, кто не способен предугадать приближение обвала, было немного.

И все же несчастные случаи происходили регулярно.

И страшно гневил владыку Саркона. «Неумение пользоваться врожденным даром – жестокий грех, – говорил владыка, – я буду безжалостно карать тех, кто не развивает магическую интуицию. Такие существа недостойны того, чтобы называться джиннами. Это выродки, они обречены на вымирание».

Проницательность самого Саркона была поистине удиви-

¹ Курук – традиционное оружие загонщика. Аркан в виде длинного шеста с петлей на конце

тельной. Находясь в самом центре страны, он мог предсказать приближение конфликта с соседями на той или иной границе Хазгаарда. Уникальный дар позволял владыке наносить упреждающие удары. И соседи справедливо полагали, что когда-нибудь владыке Саркону станет тесно в своих владениях, и он придет, чтобы забрать их земли. Они заключали между собой союзы, но все кратковременные договоренности быстро нарушались – как известно, ни один силат не станет общаться с равным на равных...

Надсмотрщик Хазар'ра нахмурился. Иногда ему казалось, что владыка забрался в его голову и внушает ему решения, сообщает, как он должен поступить в той или иной ситуации. Хазар'ре очень не нравилось это чувство. Стойкое ощущение присутствия владыки Хазгаарда не оставляло его даже во сне. Иногда, просыпаясь среди ночи, он подолгу не мог уснуть, слышал, как глубокий голос бормочет невнятно в голове, нашептывает слова. И откуда-то издалека приходило осознание: это сам Саркон обращается к нему, заглядывает в душу и требует от него верности и слепого послушания...

Несколько слуг-людей возле шатра Мудрейшего готовили пищу для посланника синедриона – разделявали туши хищных собак, мешали в чанах ароматную навозную жижу. Двое стояли над варевом с опахалами и разгоняли мух. У входа в шатер три ифрита-стража раздували ноздри, поглядывая на чаны с явным желанием разделить трапезу с посланником.

– Здесь я тебя покину! – ифрит-воин дважды ударил сжа-

той в кулак ладонью в грудь. Надсмотрщик повторил жест прощания.

– Мудрейший ждет меня, – бросил он стражам, которые сдвинулись при его приближении, став плечом к плечу.

– Пусть войдет, – послышался вкрадчивый, напевный голос первого силата синедриона – Каркума, прозванного Мудрейшим за умение так вести государственные дела, чтобы казна всегда была полна и подданные Саркона довольны жизнью. Разумеется, подданными считались только представители высшей расы.

Стража расступилась. Надсмотрщик откинул полог и шагнул внутрь. Каркум сидел в центре шатра, на вышитой золотом циновке. На его безбородом лице блуждала улыбка.

– Ахлан, – сказал надсмотрщик и услышал приветствие в ответ. Он устроился напротив посланника синедриона, скрестил колени, положил на них локти и приготовился слушать.

– Твоего отца ведь звали Лакхам... – проговорил Мудрейший.

Гость не понял, вопрос это или утверждение.

На всякий случай кивнул.

– Его называли Лакхам-загонщик?

– Это так.

– А твое имя Хазар'ра...

– Верно.

– Хазар'ра-загонщик? Отец успел передать тебе секреты ремесла?

– Ремесло загонщиков и надсмотрщиков в нашем роду передается от отца к сыну. Так повелось испокон веков, никто и никогда не нарушал и не нарушит священной традиции, – ответил гость, хмурясь, потому что никак не мог понять, чем вызваны столь странные расспросы Мудрейшего.

– Значит, я не зря прибыл на рудник, – удовлетворенно кивнул Каркум. – Не буду держать тебя в неведении. Перейду сразу к делу. Мне нужно, чтобы ты выследил и убил человека.

– Человека?! – удивился Хазар'ра.

– Не торопись делать выводы. Я знаю, ты привык загонять людей сотнями, как и полагается загонщику высшей ступени, но это – не совсем обычный человек. Точнее говоря, совсем необычный человек. Мироустройство, как утверждал великий мудрец Амуд'ра, непознаваемо и несовершенно.

Сейчас у нас появилось новое подтверждение его несовершенству. На землях Хазгаарда объявился человек, который, по слухам, умеет творить чудеса и обладает присущей только высшему народу, нам, джиннам, интуицией. Люди зовут его посланником Белого божества. Богочеловеком! – Над переносицей благородного носа Каркума появилась глубокая морщина. Те, кто хорошо знал первого силата Хазгаарда, могли бы рассказать, что подобная мимическая особенность выражает крайнюю озабоченность Мудрейшего. – Полагаю, ты можешь себе представить, что произойдет, если истинный богочеловек, наделенной интуицией силата, явил-

ся в наш мир...

– Это невозможно, – скривился Хазар'ра, – мистической интуицией могут обладать только силаты. И лишь одного посланника ушедших богов в нашем мире я знаю – владыку Саркона, посланника Черного божества. Того, кому подвластен весь Хазгаард. Того, кому со временем будет подвластен весь мир.

– Я тоже так думал, – медленно кивнул Мудрейший, – но мироздание не строится вокруг наших представлений о нем. У мироздания свои законы. Законы всеобщей логики. Законы всеобщего равновесия. Амуд'ра утверждал, что если среди джиннов есть великий посланник бога, а сила владыки Саркона поистине безгранична, то и среди людей вполне может объявиться он. Тот, кому подвластны тайные силы. Тот, кто обладает тайным знанием и врожденной интуицией джинна. Наделенный магической силой человек. Если тот, кто сейчас ходит по землям Хазгаарда, на самом деле посланник Белого божества, то над нами нависла серьезная опасность. Как ты знаешь, люди плодятся, словно степные крысы, а гулы производят на свет младенцев силатов и ифри-тов только раз в десятилетие. Уже сейчас численность человеческого стада превышает нашу в десятки раз. Люди ведут себя беспокойно. Их великое множество. Стоит им объединиться, и они будут представлять реальную силу. Мы должны уничтожить богочеловека, чтобы и в будущем перевес был на нашей стороне. Равновесие нас не устроит. Ты пони-

маешь меня, Хазар'ра?

– Возможно, это всего лишь слухи...

– Это не слухи! – перебил собеседника Каркум, лицо его покраснело от гнева. – Он творил чудеса, которые видели и люди, и джинны. Он создал в пустыне оазис, голубой родник бьет из самых недр земли. Он ходил по воде в окрестностях Южного моря. Он вырастил дивный сад плодоносящих деревьев. Все, кто пробовал плоды из того сада, ощущали необыкновенный прилив сил... Я могу и дальше продолжать. Слухами о сотворенных им чудесах полнится весь Хазгаард. Неужели ты до сих пор ничего не слышал о нем? Подумай хорошенько.

– Откуда он взялся? – процедил Хазар'ра сквозь зубы. – Теперь я припоминаю, вроде бы и я что-то такое слышал...

– Где?! Что именно?! – оживился Мудрейший.

– Рабы на руднике болтали о каких-то чудесах, но я не вслушиваюсь в рассказы людей...

– А я скажу тебе, о чем они говорят. Они говорят, – Каркум потер подбородок, – будто бы Белое божество прислало своего посланника для того, чтобы передать весь мир в руки людей. Ты это слышал?

– Конечно, нет! – выкрикнул Хазар'ра, возмущенный до глубины души. – В такое невозможно поверить! Чтобы глупые люди владели миром?! Хотите знать, что я думаю, Мудрейший?

Каркум нетерпеливо взмахнул ладонью:

– Говори.

– Я считаю, это простой смертный, – быстро заговорил силат, – которому молва приписывает особый дар. Известно, как люди превозносят своих героев. Конечно, он не обладает никаким интуитивным даром, а умело проделывает фокусы, обманывает толпу...

– Люди зовут его посланником Белого божества, – упрямо повторил Каркум, – а джинны говорят, он пришел из самой бездны... – Мудрейший помолчал:

– Что касается его дара. Как не благодаря врожденной интуиции этому человеку удастся скрываться от меня? Он предугадывает каждый мой шаг. И уводит своих последователей от приготовленных для него ловушек. Чтобы его уничтожить, мне нужен кто-то вроде тебя, Хазар'ра, тот, кто получил ремесло загонщика по наследству.

Нам нужен загонщик высшей ступени. Скажи, что ты чувствуешь, в твоей ли власти низвергнуть его обратно в бездну, откуда он явился в наш мир?..

Повисла напряженная пауза. В тишине слышно было, как шумит за стенами шатра северный ветер, как швыряет в тугую ткань песчинки, а где-то вдалеке завывает хищная собака...

– Я услышал странные вещи, – заметил Хазар'ра после недолгих раздумий, – не думал, что первый силат Хазгаарда, тот, кого джинны зовут Мудрейшим, будет так говорить о человеке... Я...

– У меня нехорошие предчувствия, – перебил его Каркум, – а я, как всякий истинный силат, привык доверять своей интуиции. Я не хочу, чтобы некто, будь он даже посланником Белого божества, породил волнения среди людей и отбросил нас назад в познании тайн мироздания! Не скрою, твое высокомерие, граничащее с глупостью, меня раздражает, но если ты настолько хорош в деле, как о тебе говорят, я забуду о твоём поведении, и достойно вознагражу тебя в случае удачи!

Слова Мудрейшего прозвучали резко, как удар кнута.

На сей раз Хазар'ра молчал много дольше. Затем рывком поднялся на ноги и выдохнул:

– Я убью его!

– Отлично! – Мудрейший, все это время терпеливо ожидавший решения, хлопнул в ладоши. – Тебе потребуется помощь...

– Мне не нужна помощь, – объявил Хазар'ра, – мой отец всегда говорил: «Действуй в одиночку, только себе и своим инстинктам ты можешь доверять». Опиши мне этого человека как можно подробнее, о Мудрейший.

– Он очень необычен. Если ты встретишь его, то без труда узнаешь. Он говорит странные слова, которые мало кто понимает. Люди считают, что каждое его слово – послание Белого божества. Он рассказывает истории, в которые невозможно поверить. О неведомом мире, где ему довелось родиться. И откуда он явился в наш мир, чтобы сделать людей

счастливее. А на самом деле нарушить равновесие, склонить чашу весов к детям Белого божества, – Мудрейший скривился. – Так они себя называют. Есть и одна внешняя примета. На глазах у него две магические полусферы, которые, говорят, позволяют ему зреть в самую суть вещей.

– Две магические полусферы, – повторил Хазар'ра. – Звучит очень странно. Разве может человек использовать магические предметы?

– Кажется, ты начинаешь понимать. Этот человек – может, о да.

– Что еще ты можешь рассказать о нем?

– Вокруг него всегда множество людей. Он притягивает их, одурманивает речами и использует по своему усмотрению. Он внушает людям подчинение и диктует свою волю...

«Совсем как Саркон», – промелькнуло в голове Хазар'ры. Он поспешно отогнал крамольные мысли, пока не услышал владыка.

– Люди относятся к нему, как к святыне, – продолжал Мудрейший, – когда ифриты подходили слишком близко, слуги бросались защищать его с решимостью безумцев. Его окружение настроено воинственно. Они готовы даже убивать, если их лидер окажется в опасности. Это тебе тоже нужно знать. Его окружения тебе придется опасаться.

– Люди смеют нападать на джиннов?! – Хазар'ра зарычал от ярости, глаза его мгновенно покраснели.

– Потому я и предлагал тебе в сопровождение три десятка

ифритов, вооруженных огненными мечами, и еще десяток небесных копейщиков. Может быть, возьмешь их с собой?

– Нет, – отрезал загонщик, – я буду действовать в одиночку. Так будет проще подобраться к нему незамеченным. Будь уверен, по истечении четырех лун я принесу тебе его голову!

– Я не хотел торопить тебя, – заметил Каркум, – но раз уж ты сам заговорил о времени, помни, время – наш главный враг. У того человека все больше сторонников. Я не хочу, чтобы на землях Хазгаарда вспыхнул мятеж. Хотя то, что я вижу сегодня, уже похоже на мятеж.

– Я приступлю к этому делу немедленно! – кивнул Хазар'ра. Он дважды ударил себя кулаком в грудь, склонил голову в знак почтения к высокому сану собеседника, откинул полог и вышел из шатра...

* * *

Снаружи слуги Мудрейшего продолжали варить похлебку в огромном чане, помещивая ее длинными черпаками. Хазар'ра заметил, что они морщатся и зажимают носы. Подобное поведение вызвало у него приступ ярости.

– Эй, ты, – крикнул он ближайшему человеку, – а ну пойдись сюда!

Слуга Мудрейшего сжался от страха. Надсмотрщик вытащил из-за пояса кнут:

– Ты что, оглох, пес?!

Человек не решился послушаться приказа и осторожно шагнул к Хазар'ре. Силат полоснул его длинными ногтями по лицу. Бедняга упал на колени, закрыв рассеченную кожу ладонями. Сквозь пальцы потекла кровь. Хазар'ра приблизился. Ярость рвалась из него, стремилась выбраться наружу, чтобы поглотить жалких людишек. Как посмели они восстать против его могущественного народа, проявить своеволие?! Все, что они могут, – создавать примитивные орудия труда и простейшее, лишенное магии оружие! Силат взмахнул кнутом.

Удар рассек человеку предплечье, он жалобно закричал. Хазар'ра не собирался останавливаться. Он ударил снова... И снова... Потом принялся топтать человека ногами, бить его под ребра, охаживать кнутом, не зная пощады. Люди испуганно жались за чаном, боялись, что ярость этого огромного силата обрушится и на них...

Выместив злобу на слуге Мудрейшего, Хазар'ра сплюнул сквозь зубы, оглядел людей огненно-красными глазами, похожими на два пылающих угля, и пошел собираться в дорогу. Шел, покачивая плечами, и бормотал ругательства. В его переваливающейся походке было столько силы, что, казалось, если бы на его пути оказалась скала, он прошел бы сквозь нее и только каменные обломки легли за его широкой спиной.

На земле остался лежать человек. Песчаная почва впитывала свежую кровь, пила ее. Человек застонал, приподнялся на локте. Слуги Мудрейшего кинулись помогать бедняге.

Ифриты-стражи наблюдали за ними, посмеиваясь. Выходка силата-надсмотрщика их здорово позабавила.

– Эй, ты! – рыкнул один из них проходившему мимо рабу, тот нес полный навоза поднос, намереваясь сгрузить его возле медного чана. Услышав окрик, раб вздрогнул всем телом.

– На колени! – прорычал ифрит.

Джинны захохотали еще громче. Привлеченный смехом, из шатра выглянул Мудрейший. Веселье мигом сошло на нет. Ифриты вытянулись, демонстрируя служебное рвение. Бросив взгляд на коленопреклоненного человека, Каркум помрачнел.

– Глупцы, – проворчал он, – как бы ваш смех вскоре не обернулся плачем. Встань, – обратился он к рабу. Тот, опасаясь поднять глаза на посланника высокого синедриона, медленно поднялся. – Иди! – скомандовал Каркум. – Возвращайся на рудник!

Раб попятился, еще не веря в то, что спасен, развернулся и побежал прочь.

Мудрейший наступил носком сапога на пятно крови и обернулся к стражам.

– В ваши обязанности, – проговорил он, тщательно проговаривая слова, – входит не только моя охрана, но и охрана моего имущества. Вы все поняли?

Здоровяки молчали, только пялились со страхом на своего господина.

– В этот раз вы поступили верно, – сообщил Каркум, ко-

гда кожа ифритов стала приобретать отчетливый фиолетовый оттенок – выражение ужаса и стыда. – Этот силат нужен мне. – Он провел по земле носком сапога, стирая пятно крови. – Вот так! И только так. Все в этом мире обращается в прах благодаря нашим деяниям и вопреки им.

Последние слова Мудрейшего стали для туповатых ифритов загадкой, как и многое другое, что говорил прежде их господин. Впрочем, стражи и не пытались вникнуть в смысл слов Каркума. Разве можно, будучи в здравом уме, понять, что тем или иным словом хочет донести до тебя сам Каркум Мудрейший – первый силат синедриона Хазгаарда.

Москва 2006 г. н.э.

«Тачки, шмотки из коттона, видеомагнитофоны, ах как было славно той весной», – орал Иван Васильевич Митрохин, развалившись на сиденье личного «Линкольна». Видный банковский деятель, обладатель крупного состояния и владелец пары нефтяных вышек в необъятных сибирских просторах, он имел в финансовых кругах репутацию бабника и гуляки. Впрочем, мнение упершихся в трудовую деятельность коллег его нисколько не заботило. Он считал, что все они ему завидуют.

И ведь было чему. Митрохин Иван Васильевич, тридцати восьми лет от роду, не женат, детей не имеет, был, что называется, счастливчиком от бога.

Все давалось ему легко, по щелчку пальцев. И состояние свое он нажил, не сильно напрягаясь.

И дело развивал, не прикладывая лишних усилий.

Иван Васильевич любил свое устоявшееся, сытое существование и видел себя вписанным в анналы человеческой памяти этаким фартовым балагуром. Впрочем, порой он казался себе человеком не только легким в общении, но и значительным, и даже – во многом уникальным.

Надо ли говорить, что окружающие воспринимали Митрохина несколько иначе. Большинство коллег и знакомых считало Ивана Васильевича личностью пренеприятной, эда-

ким везучим лотошником с болезненным самомнением и быдловатой манерой ко всем обращаться на «ты».

Внешностью Митрохин обладал самой отталкивающей. К тридцати годам он начал стремительно полнеть и теперь был кругл и мордат, как раскормленный американский бульдог. В одутловатом лице Ивана Васильевича отчетливо читалось презрение к окружающим и пагубное пристрастие к спиртному. Лицо его практически лежало на плечах при почти полном отсутствии шеи. Картину дополняло крепкое бочкообразное туловище и большой, нависающий над ремнем живот. Круглые голубые глазки Митрохина насмешливо смотрели на мир. Он представлялся банкиру простым и ясным, как технология производства подстаканников. Ему, черт побери, фартило по жизни, и он был уверен, что так будет продолжаться вечно.

Его немного заботил лишний вес, но не настолько, чтобы заикливаться на этой маленькой проблеме. Пару лет назад Иван Васильевич всерьез подумывал о том, чтобы скинуть пару килограммов, и даже начал голодать по очень прогрессивной диете, вычитанной им в Интернете, но уже к вечеру второго дня понял, что добровольная пытка не для него, и обожрался до икоты пельменями.

Митрохин утешал себя тем, что, как говорится, хорошего человека должно быть много.

«Тачки, шмотки из коттона, видеомангитофоны...»

Иван Васильевич возвращался из ночного клуба «Фла-

минго», куда в последнее время зачастил. Он отхлебывал «Jack Daniels» из полупустой бутылки и нещадно фальшивил, подражая хриплому голосу Розенбаума.

«Ах как было славно-о-о той весно-ой!»

Ему было сейчас очень хорошо. Ночные развлечения оплачены, и у подъезда его должны дожидаться смазливые девицы – профессионалки в деле безудержного разврата и нравственного разложения. Рот банкира растянулся в масляной улыбке, он в очередной раз приложился к бутылке и прикрыл глаза, представляя сладкое продолжение вечера.

Но когда он выбрался из «Линкольна» и пошатываящейся походкой направился к дому, вместо девиц у подъезда обнаружилось два крепких молодца. Несмотря на зимнее время, одеты парни были в джинсовые куртки, потертые, явно не новые джинсы и легкие кроссовки фирмы «Adidas».

Если молодцы и замерзли, то виду не подавали.

Щеки их покрывал здоровый румянец, крупные лица не выражали ничего.

– Здравствуйте, Иван Васильевич, – поприветствовал банкира один из них.

– Здорово, пацаны, – ответил Митрохин, соболья шапка сползала на глаза и норовила лишить его зрения, – а вы кто такие? Девоч моих привезли?!

– Мы из Балансовой службы, – сообщил один из незнакомых молодцов, – наверное, я вас расстрою, Иван Васильевич, но девочек сегодня не будет.

– Чего?! – возмутился Митрохин. – Это что еще за ерунда?! Как это девок не будет?! Я ж все проплатил заранее. Да-а-авайте девок! – Он хохотнул басовито.

– Иван Васильич, – крикнул шофер, он вынимал из багажника ящик с импортным шампанским, – куда добро-то?

– Добро? – Митрохин задумался. – Заноси домой добро, Петрович. – И обратился к молодцам:

– Так из какой, вы говорите, службы?

– Из Балансовой, – ответили хором. Ивана Васильевича такое единодушие весьма позабавило, вспомнился старый советский мультфильм «Вовка в тридевятом царстве». Это ж надо, двое из ларца, одинаковых с лица. Он развеселился.

– А я службу эскорта ждал, а вы из Балансовой, а мне Балансовая ну совсем ни к чему... Ой... – Он икнул и прикрыл рот кулаком с зажатой в нем бутылкой. – Икота. Икота. Иди на Федота. С Федота на Якова. С Якова на всякого. А я еще знаете, как говорю иногда? Работа, работа. Иди на Федота... С Федота на Якова. С Якова на... Ну это, чтобы работать поменьше. Отдыхать почаще. Поняли, да?!

Молодцы сохраняли вежливое молчание, выражение плоских лиц при этом оставалось невыразительным. Что-то в их поведении насторожило банкира. Поза эта – общая для всех службистов мира (ноги на ширине плеч, спины слегка согнуты в направлении объекта) – была ему хорошо знакома.

Митрохин внезапно вспомнил, что в прошлом он у – обыкновенный советский человек и что сейчас, по слухам,

олигархов активно прессингуют, и что вообще со службистами шутки плохи. Настроение его резко переменялось. Он даже немного протрезвел.

– А я налоги плачу регулярно, – уточнил Митрохин, вспомнив о последней финансовой афере, которую провернул с целью уклонения от налогов.

Вряд ли налоговая полиция могла так быстро докопаться до истины. Впрочем, кто его знает, что в их ведомстве творится?! Поговаривают, к примеру, что сейчас за всеми, у кого деньжата водятся, особый контроль установили...

Тут Митрохин насторожился. Нетрезвый ум принялся лихорадочно искать выход из щекотливой ситуации. Неужели все дело в налогах?! Или нет?! А если это налоговая полиция, как ему поступить в столь щекотливой ситуации?! Сейчас он вряд ли сможет вести разумный диалог...

– Знаем, что платите, – прерывая цепочку нелогичных умозаключений в беспорядке растекающихся мыслей, сообщил один из молодцов, – мы не по этой части. Мы пришли пообщаться с вами о вашей дальнейшей жизни, Иван Васильевич... Если вы согласитесь с нами сотрудничать и не будете препятствовать выполнению нашей задачи, то мы все выполним в кратчайшие сроки и без серьезных потрясений для вас. Конечно, кое-чем вам придется поступиться, но ведь баланс превышает всего.

– Чего? – насторожился Митрохин еще больше. – Сотрудничать, говорите... Так вы что, из органов, что ли, в самом

деле?! Вы давайте-ка не очень на меня наседайте. Сейчас не тридцать седьмой год. Кончилось то время. Одна КаПеРеФе от советского времени и осталась. А я вместе со всей прогрессивной частью нашего общества строю демократию. У меня адвокат, между прочим, имеется.

К нему все свои вопросы и адресуйте. Сейчас... – Митрохин полез во внутренний карман шубы и извлек внушительный бумажник. Он порылся в его внутренностях, тщетно пытаясь найти визитку. – Вот, да его все знают. Генри Резник. Он мой адвокат.

Вот к нему и обращайтесь со всеми вопросами.

– Вы нас не правильно поняли, мы не из милиции, – сообщил Митрохину один из молодцов и широко улыбнулся, продемонстрировав такие белые и ровные зубы, что банкир невольно ему позавидовал.

– Ну ясно, что не из милиции, – выдавил он, – ФСБ, ага? Угадал?!

– Ба-лан-со-вая служ-ба, – медленно, почти по слогам, повторил здоровяк название организации, которое Митрохину ничего не говорило. – Мы не относимся к государственным и полугосударственным структурам. Наш заказчик находится даже не в этой стране.

– А где же он находится? – опешил банкир.

– Он проживает по другую сторону антропоморфного поля планеты.

– В Америке, что ли? – буркнул Митрохин.

– Да, – подтвердили «службисты», и опять почему-то хором.

Вот тут Митрохин серьезно струхнул. Уж не киллеры ли к нему пожаловали от бывшего партнера, который, кажется, после того, как Митрохин вышвырнул его из бизнеса, осел как раз где-то в Соединенных Штатах. А он, как последний идиот, после клуба охрану по домам отпустил. Решил проявить человечность. Пусть ребята отдохнут перед его выходными. Лучше будут работать в субботу и в воскресенье. И вот на тебе! Отдохнули! Никогда не знаешь, какая неожиданность подстерегает тебя за очередным поворотом.

– Вы это... чего вам надо-то от меня... – Митрохин попятился к машине.

– Наш заказчик не простой человек, – пояснил службист, – он – ваш, Иван Васильевич, балансовый двойник.

– Кто-кто? – опешил Иван Васильевич, всерьез подумывая о том, чтобы пуститься наутек.

– Соотношение удач и удовольствий регулируется по шкале равновесности всего сущего, – сообщил «киллер» в джинсовой куртке, – наш заказчик, назовем его условно Джон Смит, прислал нас для того, чтобы мы восстановили справедливость.

– Могущественный человек, наверное, да?! – сглотнул Митрохин, окончательно поверив в то, что его собираются убить.

– Безработный пьяница, – поморщился представитель Ба-

лансовой службы, – беспринципное, жалкое существо, живущее на Welfare, лично мне он отвратителен. Но вызвать нас ему порекомендовал некто осведомленный, а для нас желание клиента – закон. Баланс – превыше всего!

– Да что это за лажа такая?! – пробормотал Митрохин, чувствуя, что теряет нить беседы, он попятился к машине. – Лажа какая-то, в самом деле... Эй, не подходите ко мне, вы, психи чертовы! – заорал он на молодцев, поскольку они двинулись за ним следом, и крикнул водителю:

– Петрович, вызывай охрану! Скажи, на меня наехал какой-то Джон Смит из Америки!

– Решат, горячка белая, – отозвался Петрович, но послушно достал мобильник и стал набирать номер.

«Киллеры» наблюдали за происходящим, не предпринимая никаких действий, сохраняли отстраненность. А ведь могли бы запросто скрутить банкира вместе с водителем, не дожидаясь приезда охраны. Подобная пассивность убедила Митрохина в том, что службисты не опасны, и к нему вернулась былая храбрость.

– Ну вы у меня узнаете сейчас, психи чертовы! – пообещал банкир и погрозил молодцам кулаком. «Jack Daniels» выскользнул из руки и разбился об асфальт...

Представители Балансовой службы наблюдали за действиями Митрохина, не двигаясь с места, их маленькие черные глазки поблескивали тусклым светом. Ивану Васильевичу вдруг захотелось оказаться от них как можно дальше, мо-

жет, даже по другую сторону антропоморфного поля планеты, или как они его там назвали.

– Вы, это, не шалите, ребята... – сказал Петрович и на всякий случай отошел за «Линкольн» от этих странных типов, одетых в такой мороз в одну только джинсу и кроссовки. В их плоских, безразличных лицах ему показалось внезапно нечто страшное и вовсе даже нечеловеческое...

* * *

Охрана примчалась через полчаса, что, учитывая глухие пробки на столичных дорогах, явилось настоящим чудом. Парни повыскакивали из машин, окружили банкира и его визави плотным кольцом.

Начальник охраны Сергей Жданов, лысый крепыш (выглядел он так, как и полагается всякому настоящему профессионалу охранного дела), оценил ситуацию как не критическую и решил, что все просто – шеф по пьяному делу умудрился поссориться с парочкой мелких бандюков и вызвал охрану. Раньше такое уже случалось. Оружия заметно не было, а визави Митрохина, хоть и были крепкими и плечистыми мужиками, впечатления опытных бойцов не производили. Лица у них были слишком плоские и простые для серьезных людей. Выглядели бандюки так, словно на днях прибыли в столицу из российской глубинки – завершили сенокос и притащились в Москву дебоширить и ругаться с богатыми

банкирами.

И все же было кое-что, что Сергею не понравилось, он заметил, что их шеф, обыкновенно наглый и крикливый, выглядит притихшим и подавленным. Не иначе как запугали его джинсовые куртки.

А когда Митрохин заговорил, начальник охраны окончательно убедился, что ситуация не так проста, как ему поначалу представлялось.

– Вот, – сказал Иван Васильевич, – Балансовая служба какая-то... Пришли, говорят, справедливость восстанавливать. Козлы, е-мое!

– Имена! – потребовал Сергей.

– Двести тридцать седьмой, – представился один из «провинциалов», приложил руку к груди и слегка поклонился.

«Издевается! – с удивлением подумал начальник охраны. – То ли не понимает, с кем дело имеет, то ли настолько в себе уверен».

Жданов огляделся кругом, посмотрел на крышу соседнего дома – не засел ли там снайпер с винтовкой. После Чечни его все время мучило чувство, что на каждой крыше и в каждом окне притаился снайпер. Ведь что такое снайпер? Это сука с винтовкой, которая на любом чердаке может прятаться, на любой крыше. И чтобы защититься от снайпера, надо постоянно контролировать пространство в радиусе полутора километров. А такого способа ни одна спецслужба мира пока не придумала. Даже охрана президента США честно при-

знается, что их главный метод контрснайпинга – это вероятность отлова покушающегося в момент отхода. То есть когда президенту уже каюк настал и спешить ему совсем некуда. А задумай этот самый снайпер сначала охрану положить для верности... Случается такое, конечно, редко, обычно в объект целят. Но в Чечне и не такое бывало. Порой и не поймешь, в кого целят.словно он всех подряд решил положить. И кто, спрашивается, сейчас поручится, что где-нибудь неподалеку снайпер не залег с каким-нибудь слоновым калибром? Лежит там себе тихонько, в окуляр на них пялится, джинсовых курток прикрывает. Жданов тряхнул головой, отгоняя наваждение.

– Ты! – он ткнул пальцем во второго «провинциала».

– Тринадцатый, – парень проделал тот же трюк, что и его приятель минутой раньше, – рука к груди и поклон.

– Что это за хрень такая?! – сумрачно изрек Сергей.

– Почему хрень?! – Тринадцатый нахмурился. – Это вообще не хрень, это наши имена.

– Какие, мать твою, имена, это ж числа.

– Чем меньше число, тем выше ступень в служебной иерархии, – пояснил Двести тридцать седьмой, – назвал имя – и сразу ясно, кто перед тобой – простой служака первого года созыва или вполне зрелый балансировщик с серьезным стажем оперативной работы и повышенным до высокого ранга уровнем способностей.

– Вы из зоны, что ли? – неуверенно спросил один из

охранников и пояснил:

– Ну на зоне номера на телогрейки клеят... вроде бы.

– Можно и так сказать, – подтвердил Тринадцатый, – да, мы из зоны.

– Слушайте, а может, это розыгрыш такой?! – выкрикнул Митрохин и воодушевился этой идеей. – Друзья, наверное, заказали меня разыграть.

А, парни?! Что скажете? Ведь розыгрыш это? Да?

Оба покачали головами.

– Это не розыгрыш, – заключил Двести тридцать седьмой, – вы должны согласиться сотрудничать с нами. Позволить нам выполнить заказ, произвести балансировку...

– Значит, так! – начальник охраны взялся за дело. – Вы, похоже, не туда заехали, пацаны. У меня к вам деловое предложение. Вы сейчас отваливаете по-тихому, без воня, обратно в свой Мухосранск. Или в ту нору, откуда вы выползли. И навсегда забываете дорогу к дому Ивана Васильевича.

А если еще раз увижу вас, огребете серьезные проблемы. Ясно?! – Последнее слово Сергей произнес таким тоном, что понять должен был даже дебил.

Но «провинциалы», к его удивлению, понимания не проявили.

– Мы же по-хорошему хотели, – протянул Тринадцатый, – произвести балансировку с согласия балансового двойника. Так всегда делается.

Многие, между прочим, соглашались.

– Да пошел ты! – выкрикнул Иван Васильевич, окончательно утратив самообладание.

– Значит, сотрудничать не будем?! – Двести тридцать седьмой насупился.

В интонациях его голоса банкиру почудилась угроза.

– Отказываюсь! – он сплюнул и сжал кулаки. – У вас что, уроды, мозги не на месте?! Вы, похоже, из местной психушки сбежали?! И теперь бегаете по улицам и народ пугаете.

– А может, их вернуть обратно, в психушку?! – засмеялся один из охранников и осекся, наткнувшись на холодный взгляд Сергея.

– У меня другое предложение, – сказал Жданов, – я вам даю ровно минуту на то, чтобы убраться отсюда! Потом ясно будет, что ошибку совершили. Может, самую серьезную в вашей жизни.

– У нас имеются инструкции, что нам надлежит делать в случае отказа от сотрудничества, – сообщил Двести тридцать седьмой, – неповиновение Балансовой службе предполагает принудительную балансировку.

– Какие еще инструкции?! – проворчал Митрохин. В присутствии охраны он всегда чувствовал себя уверенно, но сейчас ему почему-то стало очень не по себе. Что-то зловещее было в происходящем.

– Согласно инструкциям теперь мы можем действовать по своему усмотрению, – пояснил Двести тридцать седьмой, – ведь для нас главное, чтобы была выполнена основная зада-

ча по балансировке в заданном конкретном случае. Баланс – превыше всего!

– Нет, ну вы видите, – Митрохин обернулся к охране, – что делают, стервецы?! Продолжают на меня наезжать. Совсем страх потеряли.

– А ну вали отсюда! – начальник охраны надвинулся на Двести тридцать седьмого и толкнул его в грудь. – И чтобы я тебя не видел больше! Ты че, не понял, с кем дело имеешь, конь ты педальный?!

Двести тридцать седьмой вздохнул, бросил взгляд на Тринадцатого. Тот пожал плечами. Представители Балансовой службы, не сговариваясь, развернулись и пошли прочь. На оставшихся у подъезда людей они не оглядывались.

– Больные какие-то, – один из охранников покрутил пальцем у виска. – Я такого и не видел никогда... Чего-то странное несли.

– Да из деревни они какой-нибудь, наверное, – откликнулся другой, – просто за базаром не следят. Не привыкли к московским раскладам.

– Может, и больные, может, и из деревни, но что-то мне подсказывает, что это серьезный наезд, – задумчиво проговорил Сергей Жданов, глядя на широкие спины представителей Балансовой службы (парни шли не спеша, переваливаясь из стороны в сторону, как пара морячков, недавно сошедших на берег после долгого плавания). Начальник охраны окинул крыши соседних домов тоскливым взглядом:

– Имена не говорят, только числа у них в ие... рархии. Сдается мне, за ними стоит серьезная группа.

Митрохин побледнел:

– Сереж, так ты что думаешь, они денег хотят?

– Может, и денег, – начальник охраны вздохнул, – но, судя по подходам, они весь ваш бизнес, Иван Васильевич, к рукам собираются прибрать.

Я такое уже видел однажды. Прислали для начала самых безобидных. Якобы с тем, чтобы договориться. А на самом деле...

– Надо найти заказчика! – взвился Митрохин. – Я свой бизнес никому не отдам!

– Найдем... конечно, найдем, – в голосе Жданова прозвучало сомнение. – Вы вот что, Иван Васильевич, идите-ка сейчас домой. Вам теперь без охраны никуда нельзя, парни у входа в квартиру подежурят. И возле подъезда тоже. А мы пока пробьем их по своим каналам. Может, что и прояснится.

– Хорошо, – дрожащим голосом ответил Митрохин. С конкурентами ему сталкиваться приходилось, но серьезный наезд на его бизнес случился впервые. Впрочем, наезд ли?! Может, начальник охраны по обыкновению сгущает краски, ожидая самого худшего. Сам Митрохин к параноидальным настроениям склонности не имел, но представители Балансовой службы почему-то повергли его в почти священный ужас. Виной ли тому была их странная речь, множе-

ство непонятных вещей, о которых они говорили, или же их необычный облик – крепко сбитые фигуры, плоские лица, почти. бесцветные волосы и черные, маслянистые глазки – неизвестно. Но страх был. Животный страх.

Почти панический. Хотелось удариться в бега, ломиться через городские джунгли в неизвестном направлении, затеряться в лабиринте улиц, лечь на дно. Тень тревоги омрачила обычно жизнерадостное лицо банкира. Он пожевал губами, кивнул Жданову и зашагал к подъезду.

* * *

В квартире царил сумрак. Свет Митрохин решил не включать по совету начальника охраны. Да и сам опасался снайперов, видел в кино, как ловко они попадают через занавески в темный силуэт жертвы.

Ближе к двенадцати позвонил Сергей. Голос его звучал растерянно:

– Иван Васильевич... – Он помолчал. – Дело плохо, ограблен офис.

– Как?! – ахнул Митрохин и внезапно вспомнил, что большинство налички хранилось в сейфе – операция по укрытельству налогов предполагала обналичивание денег и сокрытие их до поры до времени в офисном сейфе. И вот на тебе!

– Сейф они унесли! – сообщил Сергей, подтверждая са-

мые худшие опасения шефа.

– Ну все! – Митрохин схватился за сердце. – Я погиб! – И заорал:

– А куда охрана смотрела?!

Куда, мать твою, вы смотрели?! Я вам за что деньги плачу?!

– Большинство наших ребят в этот момент были возле вашего дома, – спокойно ответил Сергей. – В офисе дежурило только двое. Их дезактивировали. По их словам, работали профессионалы.

– Проклятье! – выдохнул Митрохин.

– Камеры зафиксировали грабителей, – сообщил начальник охраны и почему-то опять замолчал.

– Ну и... – поторопил его Митрохин.

– Вы будете удивлены, Иван Васильевич, но это наши джинсовые парни с порядковыми номерами вместо имен.

– Вот как?! – Митрохин ощутил жгучую ярость и желание во что бы то ни стало наказать мерзавцев. – Ты должен поймать их, Сергей! И отобрать сейф! Они не смогут его так быстро вскрыть! А там вся наличка.

– Тут есть одна странность... м-м-м, – начальник охраны замычал, не зная, как преподнести очередную новость, – м-м-м, согласно таймеру на камерах офис грабили в восемь вечера... А в это время мы как раз были с ними возле вашего... подъезда...

Повисла пауза.

– Таймер сбился, – предположил Митрохин, но в голове его словно зазвонил колокол. Смутная тревога превратилась в липкий страх, потом стекающий по спине и неприятно щекочущий сердечную мышцу. В груди немедленно заколотило.

– На всех камерах сразу... сомневаюсь, – высказался Жданов.

– Чертовщина какая-то, – Иван Васильевич зашарил рукой по груди и шумно задышал, стараясь унять сердцебиение.

– Вот и я о том же, сейчас прорабатываем версию братьев-близнецов. Я позвоню.

– Хорошо, – откликнулся Митрохин и повторил:

– Версию братьев-близнецов...

Да нет, чушь какая-то! Должно же быть логическое объяснение. Ясно, что сцена у подъезда была отвлекающим маневром. Они хотели, чтобы в офисе дежурило как можно меньше охраны. Но как быстро эти негодяи успели все проделать. Как оперативно они работают... А ведь уходили спокойной морской походочкой, словно никуда не спешат.

Митрохин с тоской посмотрел на привезенное для девиц шампанское. Спиртное сейчас было ему необходимо как воздух...

Откупорил бутылку. Глотнул из горла... Помогло.

Сердце отпустило, дышать стало ощутимо легче.

– Семья без детей уже становится в России наследствен-

ной традицией, – вещал ровным голосом кто-то в телевизоре...

* * *

Они пришли ночью, когда, прикончив две бутылки шампанского, банкир забылся тревожным сном. Уснул в одежде перед включенным телевизором. Тринадцатый аккуратно уложил у стены двух вырубленных охранников. Двести тридцать седьмой потряс Ивана Васильевича за плечо.

– А?! Что?! – вскинулся Митрохин, увидел, кто к нему пожаловал, и весь сжался, съезжился в кресле. Ему захотелось сделаться маленьким-маленьким, чтобы эти два страшных типа в джинсовых куртках никогда не попадались ему на жизненном пути. Но они были здесь, мрачная действительность глубокой ночи.

Тринадцатый улыбнулся и легким движением руки уронил на пол телевизор. Одна из последних моделей Sony с диагональю семьдесят два сантиметра тяжело ударилась углом, экран вспыхнул и погас – что-то нарушилось в хрупких внутренностях телевизора. Банкир вскрикнул и тотчас обрадовался, что не успел приобрести плазменную панель – покупка была запланирована на конец месяца. Лицо Митрохина осветилось радостью и почти сразу перекосилось от страха. Таких двойственных чувств в жизни ему испытывать еще не приходилось.

– Не надо! Не трогайте меня! – закричал он, закрыв лицо руками.

Но представители Балансовой службы вовсе не собирались пытаться банкира или причинять ему телесные увечья. Вместо этого парни стали методично уничтожать шикарную обстановку квартиры Митрохина. Двести тридцать седьмой извлек откуда-то топор и с явным удовольствием взялся рубить дубовые двери и дорогущую антикварную мебель. Тяжелый вишневый шкаф, украшенный резьбой по дереву, никак не желал поддаваться ударам топора. Но Двести тридцать седьмой проявил завидное упорство. Топор раз за разом поднимался и опускался. Работал он споро, словно заядлый лесоруб или провел на лесоповале лучшие детские годы. Щепки долетали до Ивана Васильевича. Митрохин наблюдал за вандалом молча, только капли пота выступили на лбу, а глаза налились кровью праведного гнева. Но предпринимать какие-либо действия против вооруженного топором молодчика поостерегся.

Тринадцатый занялся кухней. Микроволновая печь Samsung с грилем и шашлычницей выбила окно и полетела вниз с десятого этажа. Осколки стекла зазвенели на асфальте, слышался глухой удар и вой автомобильной сигнализации.

«Печка – дешевка, – подумал Митрохин, – ничего страшного, куплю себе новую»...

Тринадцатый тем временем присел, обхватил крепкими

руками плиту и, издав звериный рык, оторвал ее от пола. Он поднял плиту на вытянутых руках, под самый потолок, а затем швырнул на пол.

Тяжеленное основание расколотило итальянскую напольную плитку, но самое главное – плита (Electrolux, эксклюзивная дизайнерская модель, стеклокерамика) словно взорвалась изнутри, стекло рассыпалось мелкой крошкой по глянцевої плиточной поверхности. Взгляд Тринадцатого уперся в широкий, вместительный холодильник светло-голубого цвета. Lumilandia Green Line. Дверцы с обтекаемыми углами, морозильный шкаф отдельно, вынесенный наружу дисплей с терморегулятором...

Тут Митрохин не выдержал и кинулся к входной двери с криками: «Милиция! Милиция!», но получил удар под дых от Двести тридцать седьмого и осел на пол. Ему оставалось только наблюдать, как представители Балансовой службы расправляются с его собственностью, борясь за какую-то там эфемерную высшую справедливость. Банкир подполз к дверному проему, ведущему на кухню, и затих, с ужасом представляя, что такой здоровяк может сделать с Lumilandia Green Line.

Тринадцатый ограничился тем, что уронил холодильник вместе со всем содержимым на пол и немедленно направился в ванную комнату. По пути он осторожно перешагнул через Митрохина. Тот закрыл голову руками, ожидая удара, но удара не последовало. Зато из ванной комнаты слышался

сы ужасающий скрежет. Иван Васильевич резко развернулся на паркетном полу и посерел лицом от увиденного – даже в страшных снах ему не могло привидеться такое...

Сантехника Duravit никак не желала вырываться из стены, отчаянно цеплялась за бетон и кафель, но Тринадцатый справился с ее жалобным сопротивлением. Унитаз он разбил, орудуя пятнадцатикилограммовой гантелей (банкир иногда поднимал ее по утрам – не чаще двух раз месяц, если говорить откровенно).

– Погляди-ка на эти полотенца, – противным голосом заявил балансировщик. Двести тридцать седьмой протопал из комнаты, отдавив по пути банкиру руку, и остановился на пороге ванной комнаты.

– Видишь эти надписи? – проговорил Тринадцатый.

Митрохин вспомнил, что на каждом из крючков написано черными маленькими буквами:

«For Face», «For Hands», «For Body». И еще один пустой крючок оповещал всякого: «For Ass&Cock».

Митрохина, помнится, очень развеселил тупой американский юмор, когда он увидел в специальном магазине этот набор. Но Тринадцатого в отличие от Ивана Васильевича позабавили вовсе не надписи на крючках. Он позвал коллегу, чтобы поделиться свежим антропологическим замечанием.

– Ты тоже видишь, что полотенца для рук и для лица отличаются по размеру? – поинтересовался балансировщик.

– Да, – кивнул Двести тридцать седьмой.

– Полотенце для лица намного больше, и это означает, что здесь живет настоящий мордулет! – заключил Тринадцатый.

Сразу за этой фразой послышался отчетливый щелчок. Это Тринадцатый хватил гантелей по надписи «For Face». Следом за первым последовали остальные крючки. «For Ass&Cock» балансировщик по какой-то причине оставил. Возможно, потому, что на нем не висело полотенца.

Напоследок представители Балансовой службы достали баллончики с краской и принялись расписывать стены матерными словами (под покраску – нитро, спецзаказ).

Митрохин наблюдал за их действиями с ужасом, но воспротивиться все же не посмел. Да и поздно уже было строить из себя героя.

Тринадцатый дописал длинную фразу, в которой фигурировали сам Митрохин и его ближайшие родственники, затем поднял руки и дернул на себя хрустальную люстру. Творение голландского дизайнера бухнулось на пол, звеня сотней сверкающих подвесок. Тринадцатый затоптался на люстре, фыркая от радости.

Громя квартиру банкира, представители Балансовой службы то и дело заливались счастливым смехом, словно дети, играющие в забавную и увлекательную игру.

Завершив разгром квартиры (если бы в окно залетел торнадо, то и он не причинил бы такого значительного ущерба), службисты пожали друг другу руки. Двести тридцать седьмой сурово поглядел на Митрохина и сообщил:

– Баланс превыше всего!

Затем джинсовые молодцы развернулись и отправились восвояси. Дверь за ними захлопнулась с таким грохотом, что у Митрохина заложило уши.

Сквозь нескончаемый звон он услышал, как кто-то из соседей яростно колотит по батарее.

– О, господи! – банкир всхлипнул. Он зашлепал по текущей из развороченной ванной воде, по изрубленному топором паркету, вдоль разбитой, растрескавшейся плитки, к выбитому кухонному окну...

Представители Балансовой службы вышли из подъезда. Они не спешили. Что-то оживленно обсуждая, джинсовые куртки дошли до угла дома и свернули на соседнюю улицу. Митрохину показалось, что он знает, о чем именно они говорят. «Надо было сначала порубить шкаф, Двести тридцать седьмой, а уже потом распороть обивку дивана!»

«Ну что ты, а вот я уверен, Тринадцатый, что сначала нам следовало заняться ванной комнатой, а затем кухней, и зря ты поступил наоборот».

– Ну погодите же, выродки! – взревел Митрохин. – Это война! Война!

Он кинулся к телефону, зацепился о душевой шланг, едва не растянулся на мокром полу, схватил телефонную трубку, не услышал гудка и только сейчас обнаружил, что шнур великолепного телефона «Bang Olufsen», купленного им на прошлой неделе за семьсот зеленых, вырван из обеих ро-

зеток. Митрохин рванулся к поваленному набок стенному шкафу (дверца оторвана, висит на одной петле), нащупал в кармане заляпанной краской шубы мобильный телефон и, вбивая кнопки в аппарат, настучал номер начальника охраны.

– Жданов, они были здесь! – проорал Митрохин. – Да, эти ублюдки! Они все мне тут разгромили! Всю мою квартиру! Это война! Ты понял, Сергей, это война! Я хочу, чтобы ты нашел их!! Найди их, кем бы они ни были! Из-под земли мне их достань! Я... Я хочу их убить!..

– Пока про них ничего не известно, – с тоской в голосе констатировал начальник охраны, дождавшись, когда истерика шефа сама собой сойдет на нет, – это не солнцевские, и не украинская диаспора. Сейчас нам известно только, что каким-то образом пропали деньги с вашего расчетного счета...

– Что?! Деньги?! Как?! Да как такое возможно?! – вскричал Иван Васильевич.

– Извините, что не сообщил сразу. Но вы были так расстроены. В общем, им каким-то образом удалось убедить управляющего петровским филиалом Ющенко... Кажется, они его просто запугали...

Митрохин отнял трубку от уха, чтобы перевести дух. Когда он снова смог дышать, то решил вернуться к разговору. Сергей отсутствия шефа не заметил, продолжая говорить:

– ..слишком уж действуют серьезно ребята. Мы тут с на-

шими обмозговали ситуацию немного. Как бы не госзаказ это, Иван Васильевич...

– Чего? – не понял Митрохин.

– Госзаказ, – повторил Сергей, – по устранению олигархов, сейчас это сплошь и рядом.

– Да что ты чушь порешь?! – заорал Митрохин. – Какой я тебе олигарх?! Я банкир обыкновенный! Банкир, и все! Какие олигархи... вашу... душу... мать...?! Что у меня, нефтяных вышек сотни? Или скважен газовых туча?! Может, ты знаешь что-нибудь про сотню вышек и скважен?! А?! Все-го-то и делов – две вышки. Да еще и малорентабельные.

– Хорошо, хорошо, – сказал Сергей, – я понял. Но нельзя списывать со счетов ни одну версию. Мы должны действовать быстро и осмотрительно. Мы же работаем, Иван Васильевич, спать никто сегодня не уходил. Так что не волнуйтесь.

Сейчас пришлю к вам усиление.

– Да что мне твое усиление?! – рявкнул Митрохин и ткнул одного из охранников ботинком. – Все твое усиление валяется тут у меня кучей мусора. Толку от них никакого...

– Ну, не скажите, Иван Васильевич, – обиделся Жданов, – у нас ребята работают достойные, просто на этот раз мы столкнулись с профи...

– А вы кто?! – разъярился Митрохин. – Вы кто такие, я вас спрашиваю?! За что только деньги вам плачу, говнюкам?! – Он в раздражении нажал на кнопку отключения и

только сейчас увидел, что вода из ванной комнаты уже заливает кухню. – Проклятье! – прорычал банкир и стукнул кулаком в стену. Оказалось, зря – руку отбил, да еще весь перемазался в свежей краске, потому как угодил прямиком в сочную букву "У".

* * *

Уладив дело с представителями затопленной квартиры, в сопровождении изрядно озадаченных охранников (до этого происшествия парни были уверены, что так легко справиться с ними просто невозможно), Митрохин направился в ближайший ресторан. Там он собирался перекусить и обдумать нездоровое положение дел.

Ремонт в квартире он, конечно, сделает – не проблема, деньги вернет (пусть управляющий филиалом Ющенко пошевелится), сейф с наличкой охрана уже ищет. Но... его настораживала наглость, с которой действовали преступники. Пугала их уверенность в собственной безнаказанности. Да что они, неуязвимые, что ли, в самом деле?! А что, если бы охрана успела открыть огонь?! Или у него был пистолет, и он начал в них стрелять?! Что, если бы он оказал им сопротивление?! Они действовали так, словно были уверены – Митрохин поведет себя, как и положено беззащитной жертве, будет бегать по квартире и хвататься за сердце, пока они громят интерьер, лишая его ценного имущества и остатков

нервной системы...

От воспоминаний о минувшей ночи Ивану Васильевичу стало нехорошо. Он достал из бара бутылку с минеральной водой и выпил ее большими жадными глотками...

Что он, должен был кинуться в рукопашную против двух здоровенных молодчиков, судя по всему, специально обученных для того, чтобы расправляться с людьми?! Конечно, нет.

Но откуда они взялись?! Ясно, что они – члены серьезной группировки. И, конечно, профессионалы. Кто еще мог за один только день разгромить его квартиру, ограбить офис, легко и непринужденно нейтрализовав охрану, перевести в неизвестном направлении деньги с расчетного счета?!

Впрочем, скорее всего все это – часть давней, четко спланированной операции.

А найти, откуда тянется след, между тем так до сих пор и не удалось. Не из Америки же, в самом деле... от этого, как там его, Джонни Смита...

Впрочем, за одну ночь что можно сделать?! На поиски, возможно, уйдет целая неделя. А то и полторы.

Надо бы побеседовать с сотрудниками охраны, которые в момент ограбления находились в офисе.

Как бы ни были они во всем этом замешаны. Может быть, кто-то из них даже является прямым подельником преступной группировки, участвующей в наезде. Надо же, Балансовая служба... Что только не придумают, чтобы запугать до-

стойного человека...

Митрохин хмыкнул и скомандовал охране:

– Стойте тут!

Он успел убедить себя в том, что это охрана виновата в большинстве его нынешних проблем, и ему не хотелось, чтобы эти увальни торчали возле стола, раздражая его своим видом и лишая аппетита...

* * *

Митрохин откинулся на спинку стула. Наконец-то выдалась спокойная минутка среди всей этой безумной суеты и форменного безобразия.

Изящный официант в смокинге принес поросенка в яблоках. Распечатал бутылку. Налил вина в бокал. Банкир наблюдал за действиями официанта с явным удовольствием. Поесть он любил. Потянулся за вилкой...

Балансовая служба появилась внезапно. Так спецназ врывается в захваченное террористами здание. «Джинсовые куртки» промчались через зал к столу банкира. Тринадцатый схватил поросенка и принялся его с невероятной скоростью пожирать.

Митрохину еще никогда не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь так работал челюстями. Двести тридцать седьмой завладел бутылкой и принялся жадно пить вино. Розовая жидкость побулькивала в горле, текла по подбородку. Потом он

залпом осушил бокал. Рыгнул. И похлопал себя по толстым губам ладошкой.

Покончив с трапезой, службисты как по команде поднялись и направились к выходу.

Официант был так поражен происшедшим, что застыл, как каменное изваяние. Только рот открыл и глаза выпучил. Охранник ресторана не растерялся и кинулся нарушителям общественного порядка наперерез, но получил отличный апперкот и опрокинулся на один из столов.

– Мерзавцы! Подонки! Сволочи! – отбросив стул, Митрохин вскочил, он брызгал слюной и размахивал кулаками. Банкир побежал следом за обидчиками, не задумываясь о последствиях этого шага, движимый одной только лютой яростью. К тому моменту, как он сквозь стеклянные двери выскочил на улицу, Двести тридцать седьмой и Тринадцатый уже успели скрыться. То ли свернули за угол здания, то ли прыгнули в автомобиль.

Четырех охранников Митрохина представители Балансовой службы аккуратно сложили у входа в ресторан. Один из них уже начал приходить в себя.

Он застонал, трогая рукой ушибленный затылок...

* * *

В машине Митрохин держался отстранение. На охранников смотреть не хотелось. Те тоже чувствовали себя виноватыми.

тыми, глядели по большей части в пол, а не на шефа. Один из них было начал говорить что-то вроде «не знаю, как такое вышло», но Митрохин оборвал его резким окриком:

– А ну заткнись!

Настроение у банкира сделалось таким мрачным, что в пору в петлю лезть. К тому же желудок бурчал от голода.

Это уже совсем глупость какая-то, ребяческая выходка, рассуждал Митрохин, прийти в ресторан, сожрать моего поросенка, выпить вино. Разве стоило ради еды так рисковать. Или все же стоило?! Что они хотели продемонстрировать этим отчаянным жестом?! И кто такие на самом деле эти ребята?! То, что они отлично обученные профессионалы, не вызывает сомнений. Но кого они представляют?! Кого, черт побери, они могут представлять?!

– Иван Васильевич, – неожиданно закричал Петрович, и столько в этом крике было отчаяния и ужаса, что Митрохин понял – случилось что-то страшное и даже более того – непонравимое, поэтому он тоже заорал в голос, а вместе с ним и перепуганные охранники...

«Линкольн» протаранил ограждение моста и рухнул в Яузу, погасив дружный вопль в мутных водах с бензиновыми разводами на поверхности.

К счастью для Митрохина, на этот раз охрана сработала грамотно. Ребята выволокли пребывавшего в полубессознательном состоянии шефа из тонущей машины и отбуксировали к берегу...

Митрохин сидел на снегу, с его длинной норковой шубы текла грязная вода, он никак не мог прийти в себя, хлопал глазами и чувствовал, что соображает сейчас очень туго, потому что при падении ударился головой о ручку дверцы.

— Кто-то над управлением потрудился! — сказал Петрович и сплюнул. — Не иначе как вас, Иван Васильевич, убить хотят.

— Б...а-а-а-а! — закричал Митрохин, в этом крике были заключены и ярость, и отчаяние, и тоска обезумевшего разума, в котором никак (ну никак) не может уместиться осознание того, как столько бед может свалиться на одного человека в течение единственных суток...

* * *

Службисты нагрянули в тот час, когда их никто не ждал. В сопровождении верного Жданова и двух парней из охраны Митрохин направлялся к офису.

Их остановили. В нос Ивану Васильевичу ткнули открытым удостоверением. Он успел заметить только сумрачное выражение лица на фотографии, и в следующее мгновение его взяли под руки.

— В чем дело? — запротестовал он, уже предчувствуя серьезные неприятности.

Жданов дернулся к кобуре, но мрачный тип пресек перестрелку, схватив начальника охраны за руку.

– Не советую, – сказал он, пристально глядя в глаза Жданова. – Могут быть неприятности. Оно тебе надо?

От такого напора начальник охраны обробел.

Проводил глазами шефа, которого посадили в девятку «Жигулей» и увезли. На лице Ивана Васильевича застыло растерянное и даже детское выражение.

Не успели они отъехать от офиса, как на запястьях у него защелкнули наручники.

– Что происходит? – пролепетал Иван Васильевич.

– Прокуратура выдвинула против вас обвинения, – ответил службист. – Мы едем к следователю. В связи с неявкой он выдал ордер на ваш арест.

– Но я не получал никаких повесток, – запротестовал Митрохин.

– Следователь разберется.

Иван Васильевич поглядел на руки, скованные наручниками, и подумал, что легко мог бы освободиться. В двадцать лет он выбил большой палец, и, хотя травма прошла, при желании он мог сместить сустав и выдернуть руку из железного кольца.

Раньше Митрохин неоднократно заключал пари и на спор освобождался из наручников. Для него подобная операция не составляла труда, если, конечно, они не были сильно затянуты. Разумеется, об этом его умении службистам было неизвестно.

Банкир посмотрел на их крепкие, скуластые лица и решил

попыток освободиться пока не предпринимать. Кто их знает, что им на ум придет. Говорят, при ФСБ имеется специальное подразделение, устраняющее неугодных. А ну как теперь он, Иван Васильевич Митрохин, сделался для власти лишним членом общества. Нет, лучше держаться с ними вежливо. Тогда, возможно, они разрешат воспользоваться услугами адвоката. Уж он-то его вытащит на свободу. Не таких, говорят, вытаскивал.

После ночи, проведенной в камере, на Митрохина нашла странная апатия. Он все больше погружался в себя. Первоначальная злоба сменилась крайним удивлением. Неужели это еще не все? Неужели теперь его осудят, отправят по этапу? И даже Генри Резник не поможет. Да не может этого быть!

Иван Васильевич вскочил и зашагал из угла в угол.

Нет, он этого так не оставит. Он выведет негодяев на чистую воду. Только бы выяснилось, откуда они взялись, что столько всего успели провернуть. Не иначе как его враг обретается где-нибудь в высших сферах. Как бы не возле самого президента. Нет, нет. О таком и подумать страшно. Но он и из такой ситуации выкарабкается. Если это кто-то из окружения, можно будет его убрать. Шума, конечно, будет – проблем не оберешься. Но разве есть у него другой выход? Теперь, когда он под столь жестким прессингом.

Щелкнул замок. Звякнули ключи. Железная дверь открылась. Два конвоира проводили Ивана Васильевича в кабинет следователя. Оставили стоять посередине. В дальнем углу,

загроможденном горшками с неуместной зеленью, сидел человек с тусклым взглядом в потрепанной одежде, требующей, как отметил для себя Митрохин, не только хорошей чистки, но и починки. Одна из пуговиц пиджака болталась на нитке, а рукав у плеча был надорван. Человек приподнял голову, мельком глянул на Митрохина и снова уставился в стол.

– Садитесь, – предложил бесцветно.

Иван Васильевич придвинул стул поближе, уселся нога на ногу.

– По какому праву меня задерживают?

– Шуметь будете?! – человек потер виски. – Напрасно. Голова болит. Не надо.

– Что происходит? Кто вы в конце концов такой?

– Я?! – искренне удивился собеседник банкира. – Следователь прокуратуры. Джинкин.

– Как?! – переспросил Митрохин.

– Меня зовут Павел Олегович Джинкин. Значит, так, вы обвиняетесь, гражданин Ми... Ми... Как вас там?..

– Митрохин, – ледяным тоном отозвался Иван Васильевич. Происходящее начинало его злить.

Этот кретин в потертом костюме не мог даже запомнить его имени. Смешно, в самом деле. Что за дурень?! А туда же. Следователь прокуратуры. Всякая шваль так рвется в начальники. А потом творится в стране черт знает что.

– Вот-вот, гражданин Митрохин. По вашему делу прохо-

дит также ваш американский компаньон, с которым вы вместе в девяносто восьмом году устроили дефолт. А народные средства...

– Что такое?! – поразился Иван Васильевич, разом теряя весь боевой настрой. – Кто дефолт устроил? Я дефолт устроил?! Да вы что, с ума сошли?!

– Мы-то не сошли, – забормотал невыразительно Джинкин, – у нас все записано. Разумеется, не вы один. Вы и ваши поделники у власти.

Вы-то, гражданин Митрохин, в тени были. Чистеньким хотели остаться. Делали все руками других людей. Но не выйдет... Не выйдет у вас ничего...

Так вот...

– Тебя купили! – констатировал Иван Васильевич. – Иначе с чего бы ты такую чушь стал нести.

Они купили! Эти. Которые кое-кому служат. Я даже не знаю, за сколько купили. Но думаю, что дешево. Слушай ты, следователь прокуратуры Джинкин. Прокуратор домогренный. Немедленно пиши приказ о моем освобождении из-под стражи.

Иначе мой адвокат Генри Резник из твоей спины ремней понаделает. А я их потом носить буду.

– Красиво излагаете, господин маньяк, – забормотал опять Джинкин, – ремней он из меня понарежет. Ишь какой! – Глянул на подследственного всего на мгновение порыбы. Митрохину этого взгляда хватило, чтобы понять –

шутки шутить этот человек в потрепанном костюме не станет. Кровавые палачи и наделенные властью самодуры иногда выглядят очень неказисто. А действуют не думая, решительно и бесповоротно. Уж чему-чему, а этому жизнь Ивана Васильевича научила.

Очень о многом ему сказал этот рыбий взгляд. Например, о том, что, если захочет следователь Джинкин – уже завтра не будет его, Митрохина, на этой грешной земле.

– Факты – вещь упрямая, – продолжил страшный следователь. – Ничего у вас не выйдет...

Не выйдет... Не выйдет... Вот заявление господина Резника, в котором он отказывается от вашей защиты, потому что, цитирую, «не имею морального права защищать преступника, поставившего под угрозу жизнь целого народа»... Вам все ясно, господин Митрохин?

Иван Васильевич потянулся к бумаге, но следователь сунул документ в ящик стола и резко его захлопнул.

– Это далеко не все пункты обвинения, – сообщил он, – также нам известно о неуплате налогов, перекачивании денежных средств за рубеж, продаже оружия...

– Оружия?! – вскричал Митрохин. – Да я пацифист со студенческой скамьи.

– А боевиков поддерживаете. Нехорошо изменять своим убеждениям.

– Это... это, – банкир даже не нашелся что ответить.

– Против допроса на полиграфе вы, конечно, протестуете?

– Конечно! – выпалил Митрохин.

– Почему-то я в этом не сомневался, – Джинкин скривился.

– Мой адвокат...

– У тебя нет адвоката! – заорал следователь, хлопнув рукой по столу. – Что ты мне мозги паришь?! Думаешь, все и всех купить можно?! Думаешь, страну засрать можно?! И в роскоши купаться, как на испанской Ривьере?

– Ривьера во Франции, – машинально поправил Митрохин.

– Наши люди на Ривьере не отдыхают, – отрезал Джинкин, – будь она хоть на Северном полюсе.

Один звонок. Опасаясь, что никто не откликнется, Митрохин поспешно набрал номер на мобильном телефоне. Охранник с безразличным видом стоял неподалеку.

– Алло, Сергей.

– Да, – Жданов включился молниеносно, – вы где?! Что мне делать?!

– Адвоката найти. Резник, говорят, отказался.

Купили Резника. Как?! Как?! Почему я знаю? Найди мне кого-нибудь. Да понапористей. Пусть будет циник прожженный. Циник, я говорю...

* * *

В одиночной камере, куда определили банкира, царил

спартанский порядок – жесткие нары со свернутым на них трубочкой одеялом и подушкой, серые стены все в надписях, ржавая раковина в углу и выдавший виды унитаз. Митрохин впервые попал в тюрьму и теперь озирался с самым несчастным видом.

Как там говорят – от суммы и от тюрьмы не зарекайся?! И почему у него всегда было предчувствие, что финансовыми делами в этой стране ворочать не стоит – сиди себе на грязной кухне, опрокидывай рюмки, и никто не придет за тобой, чтобы поинтересоваться, откуда нечестно нажитые капиталы взялись. Наследие красного прошлого будоражило умы и влияло на развитие бизнеса в России.

Иван Васильевич присел на нары, на противоположной стене заметил размашистую надпись, сделанную явно совсем недавно – она перекрывала многие полустершиеся автографы прежних обитателей одиночки. «Баланс превыше всего! Тринадцатый». А рядом несколько непонятных иероглифов. Митрохина след, оставленный Балансовой службой, не удивил, только вызвал глухую тоску и утвердил в мысли, что они и следователь Джинкин работают в тандеме. Значит, его решили натурально затравить. Как бы не пришлось бежать за кордон. «Как бы там оно ни было, а Россию не брошу!» – решил Иван Васильевич со свойственной ему в самые ответственные моменты храбростью.

Ему мучительно захотелось пить, он поднялся, подошел к ржавой раковине, покрутил вентиль, но вода не полилась,

вместо этого послышался громкий свист – кран активно вытягивал воздух. Рядом с мойкой стояла пустая пластиковая бутылка. Митрохин, недолго думая, нацепил ее на кран. Бутылку мгновенно перекорежило.

«Неужели кто-то там так сильно хочет пить?» – подумал Иван Васильевич. Ему представилось, как, припав к крану, с шумом вытягивает воду, стараясь добраться до вожаемой влаги, Тринадцатый.

Затем Митрохину пришло на ум, что балансировщики собираются откачать из камеры весь воздух, оставив его биться на голом бетонном полу, как выброшенную на берег рыбу. Он поспешно закрутил кран. Бутылка упала, гремя в железной раковине. А Иван Васильевич безжизненной грудой осел на нарах, соображая, что бы ему такое предпринять, чтобы выбраться как можно скорее из этой чудовищной переделки. В голову, как назло, ничего путного не приходило. Только одолевала легкая паника и лезла всякая чепуха. Хотелось кричать – следственный произвол, здесь попирают права человека, долой узурпаторов, свобода, равенство, братство, и еще кучу всякой всячины, которая откуда-то взялась в голове и теперь безостановочно вращалась, не давая четко мыслить и изобрести действительно стоящий план освобождения.

Звякнули ключи, проскрежетал что-то нечленораздельное старый тюремный замок, тяжелая металлическая дверь нехотя открылась, и в камеру уверенной походкой вошел молодой человек, в хорошем костюме, с кожаным портфелем в руке. Пожал Митрохину руку, широко улыбнулся:

– Чрезвычайно рад познакомиться с таким человеком!

– Угу, – откликнулся Иван Васильевич, которого длительное пребывание за решеткой тяготило все больше. Проведенная в камере ночь оставила самые неприятные впечатления – ночью из матраса выбрались клопы и вцепились в белое тело банкира, непривычное к пребыванию в подобных местах. Митрохин ворочался, чесался, то и дело вскакивал и вытряхивал матрас. Зуд немного стихал, но, едва ему стоило лечь, все начиналось по новой.

Он, может, и уснул бы, но сразу после полуночи заработал тюремный телеграф – по трубам застучали, передавая послания из камеры в камеру.

Ивану Васильевичу от этих новостей не было ни жарко ни холодно, он все равно ни слова не мог разобрать, только отчаянно разболелась голова.

Бум-бум-бум, бамс – уже через пару часов он ощущал себя тарелкой в джазбанде, вздрагивая после каждого очередного «бамса».

Утром Митрохин вид имел мрачный и помятый.

Красные от бессонной ночи глаза с тяжелыми отечными веками смотрели на адвоката с надеждой. Вытащи меня отсюда, родной, читалось во взгляде банкира.

– Итак, – молодой человек поставил портфель на привинченный к полу стол, извлек белый лист бумаги, положил на него карандаш и присел на стул.

Митрохин нахмурился. Начало оптимизма не внушало. У Генри Резника бумажек сроду не было – всю информацию он предпочитал держать в голове.

– В чем вас обвиняют?

– Говорят, что я дефолт устроил.

– Простите, что... Хм, извините... – молодой человек поправил галстук, задумчиво глядя в зарешеченное окно. За окном чирикали воробьи, и гроыхал по рельсам трамвай. – Извините, – повторил адвокат с грустным видом, отрываясь от законного пейзажа. – Но я не возьмусь.

– Почему? – поинтересовался Иван Васильевич.

– Слишком сложное дело. Я не справлюсь.

Молодой человек снова извинился, положил белый лист бумаги и карандаш в портфель, поднялся.

– Передай Сергею, – сказал Митрохин, – я им недоволен. Пусть больше не присылает сопливых юнцов.

– Хорошо, – послушно ответил молодой человек и стукнул в дверь. – Выпустите меня!

Новый адвокат показался Ивану Васильевичу еще бесперспективнее прежнего. Тот хотя бы источал оптимизм и служебное рвение, пока не узнал, с чем ему придется столкнуться. Этот же вошел, шаркая ногами, схватился за грудь и немедленно бухнулся на нары рядом с Митрохиным. Так что банкир даже отпрыгнул, подозревая в адвокате какого-нибудь опасного провокатора. Но тот покашлял немного, посидел, качая головой, и заговорил дребезжащим голосом:

– Не волнуйтесь, голубчик, защиту мы организуем по высшему разряду. Будете довольны...

Все это время Митрохин следил с отвращением, как двигается его кадык на тощей шее – то подпрыгивает к подбородку, то совсем исчезает под тугим узлом галстука. Больше всего Ивана Васильевича угнетал не внешний вид адвоката, а тупость Жданова.

«Где он его нашел?! – думал Митрохин. – Не иначе облазил все дома престарелых в окрестностях».

– Вас что-то смущает? – спросил старичок.

– С чего вы взяли.

– Дело в том, голубчик, кхе-кхе, что вы все время молчите.

– Это потому, что я слушаю вас.

– Но я ничего не говорю.

– Да?

– Да. А между тем нам следовало бы обсудить подробности вашего дела... – Тут адвокат затих, склонил голову, разглядывая что-то на коленке.

Митрохин приблизился, но ничего интересного там не заметил. Зато он услышал тихое похрапывание и понял, что старик прикорнул.

«А если он так в зале суда заснет», – ужаснулся Иван Васильевич и решил поговорить со Ждановым по душам, когда тот ему попадется. – Однако надо будить старика. Другого адвоката он может и не найти. Этот хотя бы с большим опытом. Наверное, защищал кого-нибудь еще до Октябрьской революции».

– Как вы сказали?! – поинтересовался старичок, и Митрохин вздрогнул от неожиданности. – Как вы сказали?! – повторил адвокат. – В чем вас...

– Обвиняют, – подхватил банкир с воодушевлением. – Мне шьют дефолт. Ясно?

– Де-эфолт?

– Да, де-эфолт, – не удержался Митрохин от того, чтобы поддразнить старика. – И дело серьезное. Похоже, этих креатинов наверху купили с потрохами. И они готовы все сделать, чтобы меня засадить. А в это время кто-то приберет к рукам мой бизнес. Смекаешь, юрист?

– Что ж, это вполне возможно, – отозвался адвокат. – Обвинение явно дутое.

– Разумеется. Кто бы спорил.

– Полагаю, мы попробуем прийти к соглашению.

– Что?

– Договоримся с тем, кто всех купил.

– И о чем же я буду с ним договариваться? – поразился

Иван Васильевич.

– Не вы, а я, – снова удивил его адвокат. – Я поговорю с ним о хорошем гонораре за то, чтобы вас защищать.

– Не понял... Как это мне... Ты что, старик?! – вскричал Митрохин. – Шутки вздумал шутить?!

Засадить меня хочешь?

– Но у вас всегда есть возможность меня перекупить, – сообщил адвокат. – Собственно говоря, сумму я всегда обсуждаю в первую очередь.

– Ах ты подонок! Да я тебя своими руками зарою!

Для человека столь почтенного возраста старичок проявил поразительную прыть. В считанные секунды оказался у двери и заколотил в нее.

– Выпустите! Убивают!

Продажного адвоката буквально вырвали из рук Митрохина. Банкир успел оторвать ему карман пиджака и стащить с головы седой парик. Старик оказался лыс, как девичья коленка. Уже оказавшись в безопасности, за дверью, он кричал, комкая парик в кулаке:

– Вы за это ответите, клянусь! Не будь я сам Павловский!

К вечеру того же дня Иван Васильевич узнал, что другой

кандидатуры не предвидится, и вредный старикашка зарегистрирован в качестве его официального адвоката. Митрохин попробовал оторвать стол, намереваясь запустить им в стену.

Немного попинал нары, пребольно ушибив ногу, рухнул на жесткое дерево и разрыдался.

Жизнь дала трещину. В этот момент для него стал очевиден обрушившийся на него, как из рога изобилия, поток черной энергетики. Он никогда не считал, что мистике есть место в реальной жизни, но сейчас готов был поверить в то, что его кто-то проклял. А иначе откуда все эти неприятности?! Ну откуда?!

* * *

За Митрохиным пришли ночью. Спал он в местных условиях чутко. Проснулся, услышав звук шагов. Привычно уже звякнули ключи, щелкнул замок. В дверном проеме возник силуэт конвоира.

Он поманил арестованного рукой.

«На расстрел?» – мелькнуло в голове. Митрохин поднялся и, заложив руки за спину, вышел из камеры.

– Пошли, – скомандовал конвоир.

Наручники щелкнули на запястьях Митрохина.

По пути конвоир отмыкал решетчатые двери. Пропускал Ивана Васильевича вперед. Миновали последнее помещение и блокпост. Здесь дежурили несколько милиционеров.

Провожатый Митрохина кивнул им и вывел банкира на улицу. Иван Васильевич с наслаждением вдохнул свежий после недельного заточения воздух. За воротами их уже ждали. Сергей и несколько охранников.

– Иван Васильевич! – Жданов открыл дверцу «Мерседеса», приглашая шефа садиться. Митрохин сердито посмотрел на начальника охраны, решил разговор об адвокатах отложить на потом, обернулся:

– Ключи! – показал скованные руки.

– Ах ты, забыл, – конвоир хлопнул себя по лбу. – Сейчас сбегая, принесу.

– Не трудись, – буркнул Митрохин и забрался в машину.

Здесь он ухватил себя за большой палец и с хрустом вывернул его из сустава. Поморщился, вытаскивая руку из наручников. Поставил палец на место.

Больно. Хорошо, что Сергей догадался захватить переносной бар. Отщелкнув крышку, Митрохин извлек бутылку коньяку, хотя всегда предпочитал виски, покрутил в руках и положил на место. Надо сохранить трезвость рассудка, чтобы вычислить тех негодяев наверняка и уничтожить. В поле культурных растений сорнякам не место.

– Как вы меня вытащили? – хмуро поинтересовался Иван Васильевич.

– Пришлось забашлять, – ответил Жданов. – Со следователем было не договориться, но я вышел на его начальство. Генеральный прокурор – мужик что надо. Но и берет немало.

– А следовательно еще порыпается.

– Это точно. Упертый. Такие не успокоятся, пока не успокоятся, – Жданов хмыкнул.

– Обойдемся без мокрухи, – сказал Митрохин. – Скажи лучше, что за клоунов ты ко мне подсылал? Я таких мерзавцев в жизни не видел.

– Ах, эти, – Сергей скривился, – самые дешевые адвокаты в Москве. Надо было протянуть время. Джинкин подозревал, что мы что-то затеваем, чтобы вас вытащить. Вот я и нанимал кого ни попадя. Чтобы его пустить по ложному следу. Я что подумал. Пусть лучше Джинкин думает, что мы надеемся на адвоката.

– Ха, – Митрохин почесал подбородок, – молодец. Не ожидал.

– Недооцениваете вы нас, Иван Васильевич, – улыбнулся Жданов, – а я, между прочим, еще не то могу. Вот увидите.

– Ладно, продемонстрируешь как-нибудь при случае. Сейчас главное до офиса добраться, – сказал Митрохин. И сгладил...

На одном из перекрестков в «Мерседес» влетел «КамАЗ» со щебенкой. Банкир успел увидеть испуганную физиономию солдата за лобовым стеклом, прежде чем мгновение спустя вся задняя часть автомобиля представительского класса превратилась в кусок годного только в переплавку металла.

«Мерседес» закрутился на асфальте, как брошенная на

лед игрушечная машинка, ударился правым крылом о фонарный столб и остановился.

Митрохин отлепился от бара – ручка дверцы отпечаталась у него на лбу, ударил дверь ногой – раз и еще раз, – пока она не распахнулась, выбрался из машины и, шатаясь, побрел по асфальту.

Упал и остался лежать в нескольких шагах от «Мерседеса». Сознание его помутилось.

Жданов очнулся чуть позже, покрутил головой. в поисках банкира, тряхнул за плечо водителя, тот, лежа на руле, слабо застонал. Начальник охраны открыл дверь, кинулся к шефу.

– Иван Васильевич...

Митрохин приподнял голову. Увидел Сергея.

– Плохо мне, Сережа.

– Сейчас, сейчас... «Скорую» вызовем. Все сделаем, – засуетился Жданов. – Все будет в порядке.

Я вас не оставлю.

Охранники подбежали, обступили лежащего на асфальте банкира.

– Где он?! – заорал Жданов в ярости. – Где эта падла?!

– Как все случилось, он из кабины выскочил и убежал.

– Куда убежал?

– Вон туда, – показал охранник, – по проспекту.

– Догнать, привести... Стой, куда?! Не все сразу. Вы двое останетесь. Поможете загрузить шефа в «Скорую».

– Ублюдки-и-и! – прохрипел Митрохин с асфальта. – Я

знаю, это они-и-и! Они-и-и-и!

* * *

По счастью, обошлось. Ни одного перелома.

Только ушибы. Да и те средней степени тяжести.

Через пару дней Митрохина выписали из больницы. И хотя подобная удача – он жив и даже не покалечен, должна была бы, по идее, внушить ему некоторый оптимизм и надежды на счастливое разрешение конфликта, Иван Васильевич впал в депрессивный настрой. Прежней легкости, которую он обычно ощущал, относясь к жизни, как к празднику, который всегда с тобой, больше не чувствовалось. Митрохин ходил по офису, вжав голову в плечи, пребывая в глубочайшей подавленности.

Сейчас он был готов ко всему. Что еще придумают представители этой проклятой Балансовой службы?!

Начальник охраны сидел в кресле и теребил застёжку на кобуре. Поскольку рядовые сотрудники явно не справлялись со своими обязанностями, он принял решение охранять шефа лично.

– Сегодня утром в новостях передали, – сказал Сергей, странно посмотрев на Митрохина. – Какой-то парень в Штатах выиграл в лотерею двадцать миллионов долларов. Бинго...

– Что бинго? – не понял Митрохин.

– Лотерея так называется – бинго. Вот я и думаю...

– А ты не думай! – взорвался Иван Васильевич, схватил пресс-папье и запустил его в стену. – Хочешь сказать, мои миллионы он выиграл?! Да?

Хочешь сказать, это Джонни Смит, будь он неладен?!

– Не зна-а-аю, – протянул Сергей, – я вообще-то в мистику не верю...

– Но здесь особый случай, так, что ли?! – накинулся на него Митрохин.

– Да не знаю я! – отступил Сергей. – Сами решайте!

– Ладно, сделай тогда вот что, – Митрохин забарабанил пальцами по поверхности стола, – найди мне бронежилет. Да понадежнее.

– Не поможет, – откликнулся Жданов, – нас в Чечне так учили. От пистолета бронежилет защитит, а если из «калаша» духи шмалять начнут, пули только в теле застрянут. Да и двигаться в нем не так удобно. Особенно, хе-хе, человеку, наштигованному пулями.

– Да ты что говоришь?! – вскричал Митрохин. – Кто же им по городу с «калашами» даст разгуливать?! Мы все-таки в правовом государстве живем, а не при анархии, прости господи.

– Не скажите, Иван Васильевич. А как террористы на Дубровку с «калашами» проехали? Подмазали кого надо – и привет. А эти вообще то самое... ну, в смысле... я вообще-то в мистику не верю, – повторил Сергей. – Но обстоятельства...

– Значит, так, бронезилет мне все же достань! – нахмурился банкир. – «Калашников» не «Калашников», а мне все ж таки поспокойнее будет. Еще. Найди мне стоящего мага.

– Кого? – переспросил ошалело Жданов.

– Колдуна найди! – рывкнул Митрохин. – Только такого, чтобы знал об этой, черти ее раздерите, Балансовой службе. Только афериста мне не надо.

Настоящего найди.

– Ну ладно, – Сергей пожал плечами, поднялся и выглянул в коридор:

– Виталик, пойди сюда.

Пойди, кому говорят. Дуй-ка быстро к Гаркушеву, пусть распечаточку сделает по всем колдунам Москвы... Ну чего ты не понял?! Ну чего вы тупые такие все сегодня?! По всем колдунам московским из Интернета распечатку сделайте...

Колдунья оказалось длинной и тощей, как палубная доска, но, судя по толщине линз, криво сидящих на носу очков, была очень начитанной.

– Колдунья? – уточнил Митрохин, у него сложилось мнение, что девушка совсем не похожа на мага высшей категории, как ее рекомендовали, скорее на студентку филологического факультета, увлеченную благородной латынью и языкознанием.

– Да, – подтвердила «студентка» с готовностью. С недоверием к своей персоне ей приходилось сталкиваться регулярно.

– Значит, дело у меня к тебе важное.

– А денег у вас хватит, господин толстяк?

Митрохин даже крякнул от такой наглости.

– Можешь не сомневаться, – заверил он. – Тебя в школе не учили, что старшим грубить нехорошо?

– В школе научат, – хмыкнула колдунья, – на всю жизнь психологическим уродом станешь. Садитесь, – предложила она, – только не на стул.

Хлипкий он.

– Не такой уж я и тяжелый, – пробасил банкир.

– Да мне все равно. Вот сюда лучше.

– М-да, характерец, – проворчал Митрохин и уселся на софу, пружины под его внушительным весом скрипнули, из-под софы донеслось недовольное мяуканье.

– Какой есть. Так что у вас?

– Может, предложишь чаю?

– Обойдетесь, – отрезала колдунья. – Я вас внимательно слушаю.

– Тьфу на тебя, – обиделся Митрохин.

– Тьфу на вас, – откликнулась девушка, – попрошу больше эту примитивную форму ментального воздействия не использовать.

– Что?! – удивился Иван Васильевич. – Ты про что вообще?

– Я про «тьфу на тебя». Не люблю. Давайте к делу, пожалуйста. У меня время четко лимитировано. Надеюсь, это яс-

но?

– Ладно, ладно, – пошел на попятную Митрохин, подумал, что подход у девицы, по крайней мере, серьезный, хоть с обхождением и не все ладно.

Разве ж так можно с клиентом? Эх, Россия, Россия. И в сфере магических услуг никакого сервиса. – Ты про Балансовую службу знаешь что-нибудь? – поинтересовался он.

– Кажется, я понимаю, что именно вас интересует.

– Так, так... – подбодрил ее Митрохин. – И что именно ты понимаешь?

– Я-то все понимаю, а вот вас попрошу заметить, либо вы возьмете более вежливый тон, либо у нас ничего не получится!

– Слушай, ну ты совсем, – возмутился Иван Васильевич, – да я в жизни ни с кем вежливее не разговаривал.

– Оно и видно. Ладно. Так и быть. Я знаю, что...

– Что-о? – протянул Митрохин, подбадривая колдунью.

– Не могли бы вы помолчать, пока я говорю?!

Что все в мире взаимосвязано, и у каждого человека имеется балансовый двойник. А балансировкой занимаются некие потусторонние силы. Можно их и Балансовой службой назвать! – «студентка» улыбнулась. – Хотя звучит по-дурацки. Сами придумали?

– Не сам.

– Ну разумеется.

– Слушай, кончай наезжать, – попросил Митрохин. – Я к

тебе все-таки по делу пришел.

– Я вся во внимании, – скептически скривилась колдунья.

– Значит, так, – начал банкир. – Можешь ли ты вызвать для меня Балансовую службу? Очень нужно мне, знаешь ли, балансировочку одну произвести... – И добавил едва слышно:

– Так сказать, в обратном порядке...

– Джиннов вызвать?! – задумалась девушка. – Ну я не знаю даже... Не пробовала никогда джиннов вызывать.

– Значит, джиннов! – сквозь зубы выдавил Митрохин.

«Так вот, значит, Джонни, кого ты на меня натравил...»

– Озолочу! – вскричал он, хватая колдунью за плечи. – Будешь самая богатая магичка во всей России! Сделай только то, что я прошу.

Колдунья осторожно высвободилась, поправила очки и с достоинством сообщила:

– Деньги меня не интересуют!

– А что? Что тебя интересует, родная ты моя?! – взвыл Митрохин. – Хочешь, пиар тебе такой организую, что будешь самой известной магичкой в мире? А? Как насчет пиара?

– Ну... можно, наверное, – девушка поправила очки и залилась краской, тщеславие явно было ей не чуждо.

– Да что наверное! Сделай, да и все! А уж остальное за мной! – проорал Митрохин, словно находился от колдуньи на расстоянии километра, а не в двух шагах. – Внакладе не останешься! Тебя как зовут-то?

– Обойдемся без имен, – холодно откликнулась она, словно какой-нибудь разведчик на встрече со связным.

Митрохин нервно расхохотался:

– Что, боишься, раскрыть могут?

Колдунья обиделась:

– Настоящие маги своих имен никогда не раскрывают!

– Да черт с ним, с именем. Сделай только то, что я прошу. И я уже набираю номер своего человечка с центрального канала. А? Ну как?!

– Ладно, – согласилась колдунья, – так и быть, сделаю. Все равно хотела в этой области как-нибудь поэкспериментировать, да все не было подходящего случая... Сделаю, хоть вы мне и отвратительны.

– Ты тоже не подарок! – вконец обиделся Митрохин. – Чем разговоры разговаривать, начинай экспериментировать!

– Только мне подготовиться нужно, – сообщила колдунья, – почитать кое-что!

– Так читай!

– Что, прямо сейчас?!

– А когда?! Время не ждет!

– У вас, может, и не ждет, а у меня других дел полно.

Ни слова не говоря, Митрохин извлек из кармана специально припасенную пачку долларовых купюр и положил рядом с собой.

– Плачу за срочность наличными!

– Ну, – колдунья растерялась, – ну... даже не знаю.

Митрохин про себя отметил, что хотя «деньги ей не нужны», появление десяти штук баксов заметно ее озадачило. Во всяком случае, она перестала цеплять клиента и начала действовать.

– Ладно. Я сейчас кое-что посмотрю, – сообщила колдунья, прошла к стенному шкафу, немного подумала, достала толстый черный том, озаглавленный «Тайноведение» Рудольфа Штаммера, и углубилась в чтение...

Прошло десять минут. Митрохин начал терять терпение.

– Ну что там?! – поинтересовался он.

– Значит, так, – колдунья пролистнула страницы, – существует всего три основных класса джиннов – гулы, ифриты и силаты. Гулы женского пола – они нас не интересуют, ифриты – джинны обыкновенные, так сказать классические, у них могущества не хватит, чтобы производить балансировку, а вот силаты – как раз и есть, наверное, те, кто осуществляет балансировку. Здесь написано, что их магические навыки весьма значительны.

– А как они выглядят? – поинтересовался Иван Васильевич.

– Двухметрового роста, белые лица...

Глаза Митрохина полыхнули бездымным пламенем, из которого, говорят, Черное божество в незапамятные времена создало джиннов. И гул, и ифритов, и силатов. Всех, без исключения. Иван Васильевич вскочил на ноги.

– Это они! Ну давай, родная моя, скорее организуй мне

парочку силатов!

– Спокойнее, пожалуйста, – попросила девушка, – во-первых, я никакая вам не родная. А во-вторых, я еще не все прочитала... так... – Она перелистнула страницу. – Да... так и есть, нам нужны силаты. А может, – задумалась она, – вызывать все же гул?

– Каких еще гул?! – рассердился Митрохин. – Давай мне пару силатов, а гул я себе сам организую потом. У меня вот такие вот гулы есть на примете!

– Вы правы, безусловно, правы, – забормотала колдунья, сильно смутившись, – гулы опасные существа. Очень коварные. И кровожадные. – Она замерла в задумчивости, поправила очки и вздохнула:

– Ладно, хоть это еще опаснее... С гулами проще было бы дело иметь. Они заговору «Наги-наги» поддаются.

– К черту ноги-ноги! – вспыхнул Митрохин. – Не нужны мне гулы. Давай балансировщиков.

– Так вот тут написано. И вот тут... Некоторые из них довольно свирепы и могут неожиданно повести себя не так, как от них ожидает вызывающий.

– Я тебе риск оплачу по двойному тарифу, – пообещал Митрохин, – пиар-кампанию на телевидении проведем. Будешь по всем каналам рассказывать о себе в прайм-тайм. Идет?

– Идет, пожалуй... – замешкалась колдунья. – Только вы, пожалуйста, договор оформите по всем правилам, что не об-

манете.

– Чего-о? – банкир смерил «студентку» уничтожающим взглядом. Та решительности не утратила, только задрала подбородок повыше.

– Да, именно так, чтобы все без обмана, пиар-кампания так пиар-кампания!

– Да будет тебе известно, – Митрохин возвысил голос, – что я еще никогда и никого не обманывал!..

Колдунья многозначительно молчала.

– Ладно-ладно, если для тебя это так принципиально, будет тебе договор. По всей форме.

– И к нотариусу поедем? – уточнила она.

– А ты случаем не на юридическом учишься?..

– Нет, я в третьем меде, по стоматологии.

– Значит, и зубы можешь вставить в случае чего, – задумчиво разглядывая девушку, сказал Митрохин. Прозвучало угрожающе, но колдунья лица не утратила, только слегка покраснела и заявила:

– Могу и вам вставить, если потребуется.

И вынуть тоже.

Наглость колдуньи повлияла на Митрохина самым странным образом. Раньше слабины он за собой не замечал. А сейчас сник и весь съежился на краешке софы.

– Слушай, ну помоги ты мне по-человечески, – попросил он, – очень мне нужно эту Балансовую службу вызвать. Сил моих нет!

– Проблемы замучили? – с пониманием отозвалась колдунья.

– Да, – Митрохин взглянул на студентку с надеждой. – Мы же даже, может быть, до этого самого нотариуса доехать не сумеем. Кирпич мне на голову упадет, точнее, уронят... или еще что-нибудь случится со мной... неприятность какая-нибудь страшная. Я же по улице ходить не могу – шарахаюсь от каждой тени. Все жду, еще чуть-чуть, и все, кранты мне. Понимаешь?

– Кранты? – удивилась колдунья, приблизилась к банкиру и поводила вокруг него руками, будто что-то нащупать старалась. – Странно, – сообщила она через некоторое время, – проклятия не ощущается. Аура чистая.

– Ну какая она чистая? Какая?! – устало проговорил Митрохин. – И вообще при чем тут аура?

Если бы ты только знала, как тяжело мне. Не доберемся мы с тобой до нотариуса. Боюсь я. Веришь ли, даже из твоей квартиры выходить боюсь.

– А я на вас защитное заклятие положу, " – предложила колдунья, – такое, что с вами точно ничего не случится.

– Положи! – согласился Митрохин. – А еще лучше вызови мне Балансовую службу. Я тебя не обману. Хочешь, поклянись?

– Поклянись, – согласилась она.

– Хорошо. Клянусь...

– Но к нотариусу все равно нужно съездить.

Митрохин тяжело вздохнул. В ту же секунду комната осветилась небесно-голубым светом. По антенному проводу, протянутому от телевизора над самым плинтусом, пробежала шаровая молния.

Глаза колдуньи расширились настолько, что стали походить на два блюдца. Розетки в разных концах комнаты неожиданно взорвались. Обгорелая, оплавленная пластмасса разлетелась по комнате. Лампочки в люстре под потолком полыхнули и лопнули, забросав банкира и колдунью осколками.

– Вот! – крикнул Митрохин. – Это то, о чем я и говорил... Дождалась, зубодерка?!

Он провел ладонью по лицу. Один из осколков оставил на щеке царапину.

– Мд-а-а! – протянула колдунья, она оглядывалась кругом с легким ужасом, очки сползли на самый кончик носа, но она, похоже, забыла о том, что их необходимо время от времени поправлять.

– Что «мда»?! Что «мда»?! Тут не «мда», а кое-что другое впору кричать! – вскипел Митрохин. – Вызывай скорее джиннов, а не то мы оба тут медным тазом накроемся!

– Хорошо, хорошо, – заторопилась девушка.

– Ага, зашевелилась, как дело жареным запахло, – отметил банкир и наступил в полумраке на хвост какого-то существа. Зверек взвизгнул и метнулся под софу.

– Кеша! – крикнула колдунья.

– Ничего с ним страшного не случилось, – проворчал Митрохин, – хвост только слегка ему прищемил... Выживет твой кошак.

Студентка поглядела на банкира с осуждением, извлекла из шкафа несколько крупных восковых свечей и, установив их в углах комнаты, зажгла.

Свечи, к удивлению Митрохина, занялись странным голубоватым пламенем. Длинные язычки осветили комнату.

– Обои не загорятся?! – поинтересовался он.

– Расстояние четко выверено, – пояснила колдунья.

– Ну-ну... – Иван Васильевич прошелся по комнате и только сейчас заметил, что на паркете то ли фломастером, то ли масляной краской начертаны тонкие линии, а между ними – множество цифр и странных значков. – Ка... кабалистические символы? – поинтересовался он, слегка запинаясь от волнения.

Колдунья поглядела на него с удивлением:

– Да, кабалистические символы. Заметны только при свечах.

– Что, думала, я совсем темный? ан нет. Я в старших классах школы этой чепухистикой, помнится, увлекался, – Митрохин задумался, – любопытно мне было, как мир устроен. Тянуло меня почему-то к этому. Пока в институте выпивать не начал. – Он присел на софу. – Ну и мне, конечно, сразу не до всяких там магий-шмагий стало. Девчонки, гулянки, друзья... А потом работа после института. Опять же не до

мистических интересов.

Я как бизнесом начал заниматься, так мне уже ни до чего больше стало. Ты извини, меня чего-то на откровенность потянуло...

– Прощаю, – кивнула колдунья. Митрохина она почти не слушала, металась по комнате, занятая приготовлениями к ритуалу, раскладывала тут и там сухие травяные пучки, сыпала порошок, чертила мелом окружности и прямоугольники поверх множества кабалистических символов.

– А вот ты как думаешь, все колдовство в мире однотипное, да? – заинтересовался Митрохин. – Ну там есть ведь ведьмы, как в Средние века, там помело у них, травки какие-нибудь, а есть шаманы северные, еще жрецы культа вуду – негры, в кино их часто показывают американском, а еще арабские маги есть, джинны эти – шайтаны, как ты говоришь... Я вот думаю, все это – одно и то же. Ну то есть приемы-то одни и те же используются.

– Не-а, – колдунья глянула на Митрохина из-под очков и принялась сдвигать с ладони посверкивающую в тусклом свете золотистую пыль. Она осаждалась на полу, покрывая его равномерным сияющим ковром. – Не хочется говорить об этом с дилетантом.

– Не хочешь – не говори! – Банкир помрачнел.

Колдунья ничего не ответила, присела и стала вычерчивать на полу крупные странные символы.

Затем поднялась, отряхивая руки.

– Готово, сейчас установим связь и призовем джиннов.

– А ты уверена, что джинны и Балансовая служба – это одно и то же, – забеспокоился Митрохин, – может, это ты напутала?

– Напутать я просто не могла, – пояснила колдунья, – согласно книгам силаты в настоящее время организовались в то, что условно можно назвать Балансовой службой. Как они себя называют, я не знаю. Знаю только, что благодаря этой могущественной организации в нашем мире все находится в равновесии.

– Они, – решил Митрохин, – силаты, как ты и сказала. И называют себя именно так. Балансовой службой. У-у-у, сволочи! – он погрозил кулаком невидимым врагам.

– Ничего, – успокоила его колдунья, – вы не беспокойтесь, уже очень скоро все будет в порядке.

Если у вас неприятности достаточно серьезные, то балансировщики вам помогут. Сможете уже не опасаться ваших колдунов-недоброжелателей.

– Вот и славно... – кивнул Митрохин.

В стену неожиданно ударило с такой силой, что весь дом дрогнул. Пламя свечей запрыгало на стенах.

– Что это?! – испугался Митрохин и вскочил с софы. Звук такой, будто стенобитным орудием саданули.

– Приступаем, – решила колдунья и подняла ладони, – отойдите, пожалуйста, в сторону. Здесь будет эпицентр.

– Хорошо, – банкир неуклюже попятился, едва не зацепил

ногой свечу, замер у двери.

Девушка все стояла, подняв ладони и прикрыв глаза, коснулась лба и неожиданно заголосила, причем так пронзительно, что Митрохину пришлось заткнуть уши, чтобы не оглохнуть. Но и сквозь пальцы пробивался этот чудовищный, нечеловеческий вопль. Орала колдунья с таким неистовым самоотрешением, что делалось страшно. Она брала ноты, какие не взяла бы даже бензопила. Тон ее голоса постепенно возвысился в такие запредельные высоты, что банкиру показалось, будто он скоро покинет границы человеческого восприятия.

Митрохин уже совсем не рад был, что связался с этой странной высокомерной девицей, которая на деле только выглядит, как девица, а на поверку может вопить нечеловеческим голосом и выводить на незнакомом языке такие рулады, что у любого нормального человека начнут поджилки трястись.

От девичьей фигуры заструилось сияние. В комнате сразу сделалось намного светлее. В исходящих от рук, ног и головы девушки лучах вились черные мушки. Постепенно они окутали все ее тело и попеременно то скрывали колдунью от взгляда перепуганного Ивана Васильевича, то вновь обнажали.

Пыль на полу загустела, набухла и поползла вверх.

Митрохина охватило острое чувство нереальности происходящего, он ущипнул себя за руку, будучи не в силах пове-

ритель, что все, что он видит, творится наяву...

Балансировщики появились далеко не сразу.

Сначала в воздухе проступили бледные очертания круглых лиц, потом затянутые в джинсу плечи и колени, а за ними уже все остальное. Парни оглядывались кругом с выражением скуки. Они мало чем отличались от своих коллег, призванных раскулачить московского банкира, – та же внушительная статя и габариты, те же простые черты лица и бесцветные бобрики на круглых головах.

И маленькие, черные глазки, больше похожие на крысиные, нежели человеческие. В общем, выпекали парней в одном хлебобулочном цехе. Так прошедшие школу спецслужб молодцы все чем-то напоминают друг друга.

– Ах, какие молодцы! – обрадовался Митрохин, джиннов он разглядывал почти с любовью. – Как вас зовут, друзья мои?!

– Семнадцатый! – представился один.

– Четыреста двадцать четвертый.

– Семнадцатый! Ух ты! Вот это да! – Митрохин даже прищелкнул, потирая ладони. – Ты, должно быть, занимаешь высокое место в вашей тамошней иерархии? А? Я прав?

Семнадцатый кивнул со значением.

– Ну парни! – Митрохин вытер вспотевшие ладони о пиджак, раньше у него такой привычки не было – появилась в последнее время, когда нервы начали сдавать. – У меня есть для вас задание. Прямо сейчас.

– Мы внимательно слушаем, – откликнулся Четыреста двадцать четвертый.

– Отправляйтесь-ка в Америку. Поймайте моего балансового двойника, как там его, Джона Смита, – сказал Митрохин, – и для начала переломайте ему все кости. Украдите его, держите взаперти в подвале, заставляйте работать по двадцать часов в сутки. И регулярно колотите головой о стену. Ему это будет полезно.

– И сколько нам это проделывать?! – поинтересовался Четыреста двадцать четвертый.

– Долгие годы! – Митрохин широко улыбнулся. – Долгие, долгие годы! Пока я не положу миллиард долларов на мое имя в лучший швейцарский банк и не дострою виллу на самых теплых островах мира.

– Будет сделано! – Семнадцатый кивнул.

– Ну все, ребята, можете отправляться! – Иван Васильевич хлопнул в ладоши.

Здоровяки немедленно развернулись и потопали прочь. Митрохина так растрогала их крепкая, почти маршевая походка, что он прослезился, перекрестил их и крикнул им вслед, вспомнив, что джинны – создания из арабских сказок:

– Да поможет вам Аллах!..

Митрохин выбежал следом за Семнадцатым и Четыреста двадцать четвертым в коридор, еще долго глядел им вслед и махал ладонью. – Ушли... – банкир вернулся в квартиру и вдруг засомневался:

– Слушай, а как они его найдут? У них же никакой наводки даже нет. Только имя, да и то, наверное, липовое...

– Найдут, – фыркнула колдунья, – 1 – во-первых, У них есть чутье. Они же джинны, а не люди. А во-вторых, судя по тому, что я читала, этот балансовый двойник – вылитый вы. Может, за небольшими изменениями. Нос у него, к примеру, сломан. Или наоборот – сделал себе пластическую операцию, чтобы стать кинозвездой.

– На меня, говоришь, похож, – Митрохин призадумался. – Был у меня в молодости один знакомец. Самый невезучий, скажу тебе, человек на свете.

Начиная с того, что родители его почему-то Светланом называли. Что это за имя для мужика – Светлан? И потом все у него так и пошло. Вся жизнь наперекосяк. Хотя человек хороший. А похож был, ты не согласишься, на президента Соединенных Штатов Рейгана. Вот я и думаю сейчас, а может, Светлан балансовым двойником Рейгана был. А что, такое вполне возможно. Нет?

– Примитивно вы мыслите, – отозвалась колдунья, она была занята наведением порядка в комнате, водила ладонями над полом, и лиловая пыль сама собой растворялась в пространстве.

– Тьфу ты! – Митрохин даже задохнулся от возмущения. – Характер у тебя стервозный. Молодая ведь еще. Где только успела нахвататься?

– А я способная.

Иван Васильевич уже собирался ответить что-нибудь резкое, но тут случилось непредвиденное. Громоподобный удар потряс квартиру. Стена вместе с окном рухнула, разрушенная неведомой силой.

Митрохина обдало осколками, отшвырнуло к противоположной стене. Он ударился головой и потерял сознание. Когда через несколько минут он пришел в себя, то вместо колдуньи увидел Тринадцатого и Двести тридцать седьмого. С девушкой заклятые враги не стали церемониться, попросту затолкав ее под софу. В разлом стены врывался холодный осенний ветер. Несмотря на то, что квартира располагалась на девятом этаже, банкир совсем не удивился способу, каким воспользовались представители Балансовой службы, чтобы попасть внутрь. Теперь-то он знал, что от них всего можно ожидать.

– Вы что тут делаете?! – Митрохин с трудом поднялся на ноги, держась за стену:

– Вас тут больше быть не должно?!

– Балансировка! – Тринадцатый пожал плечами. – Идея с подвалом мне кажется весьма перспективной, – обратился он к напарнику.

– Хорошая идея, – подтвердил Двести тридцать седьмой, – бери его!

Тринадцатый сграбастал Митрохина и перекинул его через плечо с такой легкостью, словно он совсем ничего не весил...

– Пусти меня! – Иван Васильевич в отчаянии ударил Тринадцатого по спине, но тот в ответ так тряхнул банкира, что Митрохин решил больше не дергаться и повис на плече у джинна, как тряпичная кукла. Представители Балансовой службы выбили дверь и вышли в коридор.

«Что же это происходит?! – растерялся Митрохин. – И что теперь будет?!»

Он сглотнул и едва не застонал от ужаса, потому что ему показалось, что он знает ответ на этот простой вопрос. Его и Джона Смита (балансового двойника и товарища по несчастью) теперь ожидает бесконечная череда изощренных мучений, которым будут подвергать их представители Балансовой службы в надежде добиться обоюдной балансировки, которая теперь попросту *невозможна*.

– Заварил же ты кашу, Джонни, – пробормотал Митрохин и всхлипнул:

– И чего бы мне тогда не согласиться с Тринадцатым и Двести тридцать седьмым? Высылал бы Джону пару десятков тысяч долларов ежемесячно и жил в свое удовольствие.

В конце концов это мелочь...

Болтаться на плече у джинна было не только неудобно, но и унизительно до слез. Митрохин пришел в такое отчаяние, что в конце концов разрыдался. Тринадцатый и Двести тридцать седьмой не обращали на слезы жертвы никакого внимания.

Поздние прохожие оборачивались, с удивлением глядя на

двух здоровяков в джинсовых куртках, уверенно шагающих по одной из центральных московских улиц, оживленной даже в этот час. Представители Балансовой службы не могли не вызывать удивления. Во-первых, одеты они были совсем не по погоде, а во-вторых, один из них нес на себе, словно охотничий трофей, мордатого толстяка, одетого в заляпанный штукатуркой костюм.

Никто не замечал, что в свете фонарей на тротуар ложится только одна тень – от поминутно всхлипывающей ноши. Напротив памятника Юрию Долгорукому странная парочка свернула в подворотню...

* * *

– Господи, что это было? – колдунья попробовала подняться, но ударилась головой о софу, куда ее запихнули балансировщики. – Почему он меня не предупредил?!

В мозгу крутилось: «Разбалансировка, разбалансировка...»

– Кеша, – позвала она.

Кот выбрался откуда-то из самого дальнего угла, весь в пыли. Перепуганные кошачьи глаза пылали зеленым пламенем.

– Вот так, Кеша, – пробормотала колдунья, выпавшее из очков стекло зазвенело на паркете. – За-амечательно... – протянула она. – Просто прекрасно! Оставляю я эту магию

ко всем чертям. Говорила мне бабушка – не надо во всю эту чертовщину лезть, и, кажется, она права.

Девушка вылезла из-под софы. Позвала снова:
– Кеша.

Но кот выходить не спешил. Посматривал на хозяйку из темноты зеленым глазом и трогал лапкой усыпанный золотистой пылью и серой штукатуркой пол.

– Не хочешь вылезать – и не надо, – колдунья поднялась на ноги. – Надо убираться отсюда, пока еще чего-нибудь не случилось.

«И правда, уеду к бабушке в деревню, – решила она, – бабушка – сама мудрость. Обязательно посоветует, что мне дальше делать».

* * *

Кота она отдала подруге. Машка всегда ее выручала, когда нужно было оставить Кешу на пару дней и даже недель. В этот раз тоже не отказала.

Спросила только:

– Когда вернешься?

– Не знаю, может, через пару недель. А может, подольше задержусь. Ничего?

– Да ничего, – ответила Машка, – Вадька любит с ним возиться.

Пятилетний сын соседки Вадька в Кеше души не чаял.

При каждом удобном случае норовил зайти – «повидаться с котиком».

– Что-то серьезное, Медей? – поинтересовалась Машка. Вот ведь пронизательная душа. Даром что лучшая подруга.
– Да так, даже не знаю... Наверное, нет.

От подруги скрывать собственное имя смысла не было, и все же что-то нехорошо екнуло. Показалось, будто кто-то с черными крыльями, сложенными за спиной, стоит за плечом и ухмыляется.

Медея даже обернулась, чем встревожила Машку еще больше.

– Ну смотри, – сказала она серьезно, – а то, если помощь нужна, я могу и ребят подключить.

У меня же брат в милиции работает. Помнишь?

– Да нет, не надо. Я сама разберусь. Ничего такого серьезного, чтобы в милицию обращаться, – ответила Медея.

– Маш! – донесся голос мужа подруги из глубины квартиры. – Ты идешь?

– Иду, – крикнула Машка. – Пять минут подождать не можешь?!

– Ну ладно, я пойду, – заторопилась колдунья, – как приеду – сразу позвоню...

Она поцеловала подругу на прощание и пошла к лифту.

– Постой, – окликнула Машка.

Колдунья обернулась.

– Слушай, у меня почему-то такое чувство, что я тебя

больше не увижу... Чепуха, конечно...

– Ты что, Маш?! Я бы тебе сказала обязательно, если бы что-то серьезное было.

– Медей, а может, ты никуда не поедешь?!

Я Мотьку все же попрошу, он тебе поможет с твоими проблемами.

– Да не надо... Нет, правда, не надо, все в порядке.

Подруга озабоченно покачала головой.

Медея улыбнулась напоследок, закрыла за собой коридорную дверь и ушла навсегда...

* * *

Через несколько дней, когда она тянула руку, собираясь сорвать календулу для целебного отвара, обещанного бабушке, сведенные судорогой пальцы замерли в паре сантиметров от стебля. А затем колдунья попросту растворилась в воздухе. От нее остался лишь туманный силуэт. Некоторое время он висел туманной дымкой, клубами сигаретного дыма и серой меловой пыли. Потом налетел легкий ветерок, и дымка развеялась. В этом мире Медеи больше не существовало.

Хазгаард 12007 г. до н.э.

В середине маленькой деревушки, расположенной на северо-западе Хазгаарда, собралось почти пятьдесят человек, все ее жители. Носатый, худой паренек, повадками напоминающий одержимого духами, вещал высоким голосом:

– Богочеловек говорит, что боги избрали людей единственным народом, который будет править миром. В будущем люди будут сами решать свою судьбу. Еще он говорит, что не надо нам во всем джиннов слушаться, потому что они ничем не лучше нас.

Одержимых по обыкновению выходили послушать всей деревней. Мало ли что полезного духи могут рассказать. Но этот сразу повел разговор странно, а потому вопросы ему задавать никто не спешил, только приглядывались к носатому, прислушивались настороженно к дерзким речам. Вызванную страхом и недоверием паузу прервал ребенок.

– А правда, что богочеловек чудеса творит? – вылез вперед лопоухий мальчишка. Мать дернула его за руку.

– Правда, конечно, правда, – оживился носатый, – да вы что, вообще, не знаете, там такая силища, какой ни у кого нет. Все может! Как бог совсем.

– Ну а если, скажем, с ифритом схлестнется? – поинтересовался старик с морщинистым и темным, иссушенным солнцем лицом. – Кто кого тогда одолеет?!

– Ясное дело, ифрита богочеловек одолеет, – заявил носатый, – потому что не только силу, еще и в голове кое-что имеет. А у ифрита что есть против? Ничего у него нет, только башка пустая. – Он постучал себя по лбу.

В толпе раздались одобрителные смешки.

– А пару ифритов? – не унимался старик.

– Одолеет.

– А трех?

– Да что ты пристал?! – накинулись на старика люди. – Сказали тебе, со всеми управится...

– Ну с Сарконом, положим, не совладает, – усмехнулся тот. – Ох, и не совладает... Это я точно знаю.

На этот раз одергивать его никто не стал. С упоминанием имени владыки Хазгаарда иные начали испуганно озиаться, словно джинны могли явиться из ниоткуда и покарать их за крамольные речи, другие предпочли покинуть толпу и поспешили к своим домам. Всем известно, как развита у силатов интуиция и как они относятся к любому проявлению непокорности со стороны людей. О том, что человек может творить чудеса, они слышали не впервые. Каждому хотелось в это верить, но казалось невероятным, что где-то есть человек, которому, как и джиннам, подвластны магические тайны.

– И с Сарконом совладает! – заявил носатый. – Вот увидите. Ведь богочеловек не кто-нибудь, а посланник Белого божества.

– Два посланника Ушедших Богов на одной многострадальной земле Хазгаарда, – с сомнением проговорил старик и добавил самым язвительным тоном:

– Как это небеса еще не раскололись?

– А Саркон – не посланник Бога, – объявил носатый.

В толпе заахали.

– А кто же он тогда?

– Самозванец!

Наступила такая тишина, что, казалось, если прислушаться, можно различить биение сердец.

– В общем, я иду к богочеловеку, чтобы принять истину. Кто хочет, может пойти со мной...

– А ифритов не бойсья? – поинтересовался старик.

– За правду не страшно и пострадать!

– Пострадать-пострадать, – передразнил паренька старик, – а я бы за правду лучше порадовался, – он захихикал и обернулся, ища одобрения односельчан. Его никто не поддержал.

– Ладно, прощайте.

Люди расступились, давая носатому дорогу.

Махнув на прощание рукой, он пошел прочь.

– Постой! – крикнул мальчишка. – Я с тобой!

– Куда?! – мать схватила его за ухо. – Не пущу...

Мальчишка вскрикнул от боли и остановился, послушался. Только смотрел, как уходит прочь по необъятной степи, не оборачиваясь, идущий к богочеловеку паренек, узнать ис-

тину.

Когда носатый скрылся за горизонтом, началось бурное обсуждение услышанного. Люди разошлись только с наступлением сумерек.

– Добром это не кончится, попомните мои слова, – заметил старик, трогая глаз, куда в порыве спора ему кто-то засадил кулаком. – Саркон этого так не оставит...

– Да помолчи ты! – одернули его. – А то, гляди, совсем окривеешь!

– Ох, и поймают его ифриты, ох, и потерзают... – забормотал старик обиженно, отошел подальше и задрал подбородок к небу.

Там красноватым светом горел неровный, выщербленный слева серп месяца. Небесные часы отсчитывали, сколько осталось жить богочеловеку.

Загонщик Хазар'ра покинул медные рудники. Кнут он оставил в шатре, взяв с собой в дорогу огненный кинжал, более всего подходящий для ремесла убийцы. Удлиненным куруком, которым он владел лучше всех в Хазгаарде, силат намеревался обзавестись в ближайшей человеческой деревне. Каждый знает, нет мастеров лучше людей в деле изготовления простого оружия. А вот вдохнуть в простую вещь особые свойства, наделить ее магической силой – дело, на которое способен только джинн.

Люди лежали у подножия горы, под открытым небом. После тяжелого дня рабы спали до самого рассвета без сновидений. Словно проваливались в черную дыру, где не было ничего: ни глубокого звездного неба, ни горячей земли, отдающей тепло всю ночь, ни северного прохладного ветра, ни джиннов с кнутами и куруками в крепких ладонях, ни покрытых зеленью медных жил, выдавливаемых на поверхность мощью горы.

В лежище царила тишина. Краткий миг покоя.

Никому и в голову не приходило охранять рабов. Пустыня тянулась так далеко на запад, что пройти ее может решиться только безумец. В безлюдных землях беглец ощущает себя так, будто он угодил на ладонь Черного божества. Свирепый покровитель высшей расы обязательно заметит и прихлопнет маленького человечка. Блуждающие огни – души умерших – поманят его за собой, внушат мысль, что выведут из пустыни, а сами приведут к зыбучим пескам. А потом и он сам будет бродить, излучая свет, искать путников, в надежде сбить их с дороги, позволить пустыне пожрать еще несколько человеческих жизней.

Не только блуждающие огни представляют опасность. По выжженной солнцем белесой равнине рыщут голодные хищники – дикие собаки, агрессивные пустынные муренги, охо-

тящиеся стаями крысы-ревуны. К тому же округа буквально кишит ядовитыми насекомыми, крупными ящерицами-вра-на и змеями...

Он дождался, когда лагерь погрузится в тишину и сумрак, поднялся и пошел на запад, переступая лежащие на земле тощие тела. Его никто не остановил. Ни один человек не за-кричал ему вслед:

«Остановись, безумец!» Ни одной живой душе не было до него дела, никто не поинтересовался, куда он идет и почему хочет умереть в пустыне, а не на руднике. Он мог перене-стись в иной мир у подножия этой проклятой горы, и утром, когда рабы, словно муравьи, ползли на рудник, разбирая сва-ленные накануне бесформенной кучей подносы и молотки, ифриты волокли бы его за ноги, как и трупы многих других, кто не пережил эту ночь.

Он выбрался за пределы лагеря. По правую руку темнел высокий шатер посланника синедриона.

У входа возвышались грузные фигуры – ифриты.

К счастью, в темное время суток они впадали в странное оцепенение и не заметили его. Миновав опасное место, он побрел на запад. Мрак сомкнулся за его спиной, скрыв уны-лое зрелище – лежище рабов, шатры надсмотрщиков и про-клятые им бесчисленное число раз рудоносные горы.

Самое трудное при побеге с рудников – преодолеть первые километры пути по сухой, выжженной солнцем равнине. Способные услышать даже биение человеческого сердцасилаты почти наверняка почувствуют – кто-то из рабов покинул лагерь и теперь, испытывая острейшее, дурно пахнущее чувство – страх, спешит уйти как можно дальше.

У человека интуиция почти не развита, ему не дано ощутить, что по его следу идут громадные краснолицые ифриты, вооруженные огненными мечами и удлиненными куруками загонщиков. Он может только предполагать, что где-то там во мраке ночи несутся, припечатывая широкими ступнями многострадальную землю, охотники-джинны. Настигнув, они не будут слушать мольбы о пощаде, в их планы не входит возвращение беглеца в лагерь, они просто растопчут человека, вобьют его в пыль, как поступают со своими врагами слоны. Они станут сечь беглеца огненными мечами, удерживая его на длинной рукояти курука, а в лагерь у подножия рудоносной горы принесут только его голову, чтобы выставить на всеобщее обозрение. Пусть другие знают, какая участь ожидает тех, кто решился ослушаться владыку Саркона...

Бывший раб (он чувствовал себя свободным человеком с тех пор, как покинул рудник) бежал по темной равнине. В эту безлунную ночь все, что он мог различить – темные

силуэты низкой растительности и маячившие по левую руку горные хребты.

Вершины их терялись в черных облаках, сплошной пеленой затянувших небо.

По мере того как он удалялся от рудника, его уверенность в собственных силах крепла. Словно черные горы, изрытые подземными ходами, отнимали у него силы и стремление быть свободным.

Он никак не мог отдышаться – в груди свистело и булькало, и время от времени он сбивался на шаг. Но упорно продолжал двигаться вперед, стараясь держаться между дюнами. Аваров, исконных жителей пустыни, на руднике было довольно много. Один из них поделился с ним ценными знаниями. После песчаной бури пустыня похожа на застывший океан. Так и хочется забраться на гребень, осмотреться кругом. Но нельзя – там ловушка. Гребень расколется, волна придет в движение и проглотит незадачливого путника. Зыбучие пески здесь повсюду. Идти следует только между барханами – и это тоже не дает абсолютной безопасности. Но, по крайней мере, шансов, что выберешься отсюда живым, больше.

Звезды поблескивали холодными глазами. «Хорошо, что ночи в Хазгаарде теплые», – подумал беглец. Даже в необычных драных лохмотьях (одежда являлась для него воспоминанием о прежней сладкой жизни) он совсем не замерз. Однорбортный пиджак с оторванными рукавами имел полушер-

стяную основу. Он приобрел его в московском бутике «Каприз». Модельный ряд «Roy Robson». Сейчас ни один продавец-консультант, из тех, что помогали ему примерять брюки и ласково улыбались богатому клиенту, не смог бы опознать в этой драной ветоши свою вещь. Да и сам Рой Робсон, наверное, опешил бы, увидев, во что превратил брюки и пиджак их нынешний владелец. Точнее, не он сам, а преследующий его злой рок.

Беглец запнулся о камень, ушиб ногу и вскрикнул. Впереди хрустнула ветка. Он остановился, вглядываясь во тьму. На мгновение ему показалось, что вдалеке горят огни. Но тут же пришло осознание, что это вовсе не свет далекой деревни, а глаза хищной собаки, стоящей от него в паре шагов. Пес зашевелился во мраке. Огоньки переместились правее. Собака нырнула во тьму.

Человек облизал губы, оглянулся. Попытка вернуться означала не только признание собственной слабости, но и верную смерть. Сегодня он почувствовал, что еще немного – и разум его оставит, да и физических сил почти не осталось. Эпизод с надсмотрщиком заставил его принять решение.

"Будь что будет, если потребуется – убью и съем проклятую собаку, как джинны делают, – решил беглец, – в конце концов жрут же собак в Китае, и в Таиланде, кажется, тоже. А еще, говорят, на Дальнем Востоке. Там они, правда, не такие.

Поменьше и полохматее. А эти сзади совсем лысые, толь-

ко пучки рыжей шерсти на задних лапах".

Беглец присел и зашарил по земле, стараясь найти что-нибудь хоть отдаленно похожее на оружие.

Острый обломок камня обнаружился почти сразу.

Словно лежал здесь и дожидался, когда придет человек и возьмет его, чтобы в нужную минуту защитить свою жизнь. Он сжал пальцы на твердой поверхности камня, резко поднялся и двинулся дальше на запад. Шел осторожно. Опасался, что хищный зверь бросится на него из темноты.

Но собака так и не объявилась. Наверное, почувствовала, что с этим человеком лучше не связываться. Что сейчас он способен на все. И если кто-нибудь попробует на него напасть, будет драться за свою жизнь до последней капли крови.

Собака убралась, зато стайка прыгучих крыс-ревунов увязалась за беглецом. Серые зверьки, едва различимые в темноте, преследовали его несколько километров, пока не решились напасть всей стаей.

Человек дрался отчаянно. И хотя маленькие зубки несколько раз впились ему в голень, а один ревунок даже укусил его за бедро, нападение он отбил – двух крыс распорол обломком, еще нескольких задушил голыми руками. Ревуны отстали.

Голод творит подлинные чудеса, и бывшие гурманы, прежде отдававшие предпочтение японской и французской кухне лучших столичных ресторанов, способны проглотить

самые удивительные предметы. После расправы над крысами беглец устроил себе настоящее пиршество. Пожирал зверьков сырыми. Ел на ходу, не сбавляя шага. Сдирал тощими пальцами шкуру, благо ногти у него за время пребывания в этом жестоком мире сильно отросли, и вгрызался в сочное, жесткое мясо. При этом он даже порывивал от удовольствия. Теплая крысиная кровь отчасти утолила жажду, а плоть – голод. Беглец даже тошноты не почувствовал, употребив в пищу крыс. Только приятную тяжесть в желудке, а в голове – кружение, какое бывает при легкой стадии опьянения.

Останки крыс он выбросил и потом пожалел об этом: по этому следу джиннам, обладающим замечательным обонянием, проще будет его обнаружить.

К вечеру ему несказанно повезло: он наткнулся на брошенный загон для скота и вырытый пастухами старый колодец. По прикрученной к ограде веревочной лестнице, осторожно ступая на шаткие перекладыны босыми ногами, беглец спустился вниз. Почва на самом дне оказалась влажной. Беглый раб копал, врывался в землю изломанными ногтями, пока в углублении не образовалась мутная лужица. Тогда он припал к ней потрескавшимися губами и стал жадно пить воду, сплевывая грязь. На поверхность он поднимался с опаской – кружилась голова. Оказавшись наверху, он в изнеможении упал на песок. Идти не хотелось. Но он пересилил себя. Поднялся и побрел дальше на запад, через кажущуюся

бесконечной пустыню.

Перед рассветом следующего дня, едва не падая от усталости и голода, беглец, наконец, достиг человеческой деревни. Он не утратил бдительности, присущей тем, кто жил в эпоху холодной войны между двумя сверхдержавами. Прежде чем кинуться к людям, беглец упал на живот и по-пластунски пополз к домам. Чувствовал он себя при этом партизаном, подбирающимся к деревне, захваченной фашистами.

Солнце еще не взошло, но над горизонтом уже появилось красноватое зарево. И все же в густой траве заметить его будет непросто.

Затянутые воловьими пузырями окна гостеприимно светились. Возле одного из домов один из местных жителей плел веревку. Работал человек споро, сразу видно мастера, ловкие пальцы скручивали кожаные ремешки, сплетали их воедино.

Беглец уже хотел подползти поближе и окликнуть человека, как вдруг различил в полумраке две высокие, кряжистые фигуры. Судя по очертаниям, не люди. Силаты скорее всего. Ифриты и ростом выше, и шире в кости, да и оттенок кожи у них красноватый. Как у Чингачгука Большого Змея.

Беглец припал к земле. Не заметили? Как будто нет. Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Колотилось сильнее, чем металлический пресс на Заводе Станколит. Бум! Бум! Бум! Потом стало отпускать. Он осторожно приподнял голову. Пригляделся. Один из силатов ему определенно знаком.

Тот самый надсмотрщик, что сегодня угостил его кнутом, без всякого повода. Беглец сжал кулаки.

Представился бы случай поквитаться, он точно не стад бы ожидать второго пришествия. Отходить бы его кнутом прямо по широченной спине!

Надсмотрщик приблизился к мастеровому, склонился над ним. Что-то проговорил, тот в ответ закивал.

«Следит, сволочь, чтобы работал хорошо», – понял бывший раб. За проведенное на рудниках время он узнал о своих мучителях почти все. Сами джинны не способны создать сколько-нибудь стоящее оружие. С тем, что требуется делать руками, отношения у них не складываются. И хотя сами они мастера отвратительные, от людей требуют особенной точности в исполнении заказов. И ужасно гnevаются, если мастеровому случается сделать что-то не так, как они просили. Плата за подобную работу всегда скудная. Если и случится какому-нибудь опытному мастеровому договориться о хорошей оплате, джинны редко выполняют данные человеку обещания – не считают необходимой честность с низшей расой.

– Угнетатели трудового народа, – выдавил беглец сквозь зубы и пополз вдоль домов, стараясь двигаться как можно тише. Если силаты его обнаружат – пощады не жди. Вряд ли надсмотрщик запомнил лицо раба, но его одежда, облик, сбитые в кровь ступни говорят сами за себя. Джинны сразу признают в нем беглеца. И забывают до смерти. С людьми силаты не церемонятся. С беглецами тем более.

– Еще посмотрим, кто из нас низшая раса, – пробормотал бывший раб, вспомнив разговоры Надсмотрщиков на руднике.

Вскоре он рассмотрел повозку с запряженной в нее парой эвкусов. Животные трясли массивными головами, пряли ушами, переступали почти черными, едва различимыми в полумраке ногами. Ясное дело, надсмотрщик и его провожатый прибыли сюда на этой повозке. Второй силат – скорее всего возникший, приставленный к этой сволочи. Силаты очень гордятся своим умением управляться с эвкусами и считают людей совершенно неспособными к тому, чтобы приручать животных.

Бывший раб хмыкнул. Не на того напали. Он по молодости лет даже конным спортом занимался. Пока не стал слишком высоким и массивным для того, чтобы в соревнованиях участвовать. «Понимаешь, слишком ты габаритный для жокея», – говорил тренер. А эти зверушки с рыжей гривой от лошадей почти не отличаются. Разве что покоренстей немножко, ростом пониже и более норовистые.

Он прислушался. Силаты о чем-то тихо переговаривались. О чем, отсюда не различить. Они отвернулись и заговорили с мастеровым.

Подходящий момент! Беглец вскочил на ноги и торопливо побежал к домам. В то же мгновение из-за повозки поднялся человек. Он собирал с земли сухой навоз. Наверное, собирался готовить пищу для джиннов. Взгляд его наткнулся

на тощего человека, несущегося из темноты прямо на него.

От неожиданности он выронил плетеную корзину с навозом и вскрикнул.

Беглец, не останавливаясь, сиганул на телегу, схватил повод, засвистел, словно заправский извозчик, и заорал что было сил по-русски:

– Но! Но, пошли, залетные!

Сомнения в том, что животные могут его послушаться, развеялись в один миг. Эвкусы рванули с места так, что бывший раб едва не вылетел из повозки. Собиратель навоза едва успел отскочить в сторону.

Беглец бросил взгляд через плечо. Силаты кинулись в погоню. Надсмотрщик держал в руке нечто, напоминающее язык пламени. Он бежал широкими скачками и имел все шансы догнать телегу.

– Стой! – заорал возничий, сбавляя бег.

Надсмотрщик времени на окрики не тратил, берег дыхание. Когда почти через километр беглец снова оглянулся, то увидел, что силат продолжает преследовать повозку. «Упорный, гад!» Руки джинна ритмично двигались вдоль широкого туловища.

Язык пламени, зажатый в кулаке, взлетал вверх и опускался вниз резкими рывками. Лицо врага белело в полумраке раннего утра зловещим пятном.

– Проклятье! – выдохнул беглец и подстегнул эвкусов:

– Ходу! Ходу!

Бросил взгляд через плечо. Силат приближался.

Никогда еще ему не доводилось видеть, чтобы кто-нибудь бежал с такой стремительностью и упорством. Разве что девятикратный чемпион мира Майкл Джонсон. Только бегун раз-за в четыре тоньше здорового силата. Беглец снова прикрикнул на эвкусов: «Быстрее!» Овернул. С расстояния в пару десятков шагов преследователь метнул в повозку язык пламени. Оставляя в темном воздухе яркую нить, он устремился к повозке и вонзился в задний борт. Полыхнул огонь. Беглеца осыпало снопами горячих искр. В спину пахнуло жаром.

Часть искр осела на мокром, пропитанном потом безрукавом пиджаке. Эвкусы гнали по прямой не останавливаясь. Стараясь не выпустить из рук ускользающие поводья, человек потянулся к торчащему в заднем борту кинжалу. Клинок продолжал пылать. Из заколдованного оружия рвалось наружу пламя. Так не достать. Беглец отпустил поводья, скакнул назад. Обжигая пальцы, схватился за холодную костяную рукоять. Силат бежал в каких-нибудь пяти шагах от повозки. Их взгляды пересеклись. Человек рванул огненный кинжал. Магическое оружие джиннов оказалось в его руках. Он увидел, как расширились гневом глаза силата. Повозка шатнулась и стала замедляться. Эвкусы почувствовали, что ими никто не управляет. Беглец швырнул кинжал в преследователя. Кинжал перевернулся в воздухе, и костяная рукоять врезалась точно в середину лба силата. Джинн замеш-

кался всего на секунду. Этого хватило, чтобы человек успел схватить поводья.

– А ну! – закричал он. – Вперед! Вперед!

Животные ощутили сильную руку и снова прибавили шагу. Кинув взгляд назад, беглец убедился, что джинн отстал. Только вдалеке светился в полумраке раннего утра слабый огонек огненного кинжала. Бывший раб с облегчением выдохнул, он стал обладателем отличной четырехколесной повозки и пары крепких эвкусов.

* * *

Двигаясь неизменно на запад, к полудню беглец увидел нечто напоминающее издали человеческое поселение. Не раздумывая ни секунды, он направил эвкусов туда. По мере приближения монолит на горизонте начал распадаться на отдельные фрагменты – облупившиеся, приземистые постройки с широкими куполами и устремленными в небо стрелами шпилей. «Жреческая капистула, – вспомнил беглец, – или, по-нашему, храмовый комплекс». Однажды он уже видел такой и говорил о нем с местными жителями. Бывший раб понял, что ему повезло. Страждущему в храме никогда не откажут. Он подхлестнул эвкусов, чувствуя, как тяжело ему дышать. Предвкушение воды делало жажду невыносимой.

Приближение повозки заметили. Из храма навстречу беглецу высыпала толпа служителей в серых свободных одеж-

дах. В центре стоял, как водится, верховный жрец – седовласый, длиннородый старец, тощий, с темной, опаленной солнцем кожей.

Беглец остановил повозку в двадцати шагах и спрыгнул на землю. Он пошел к толпе, встречающей его, попробовал что-то сказать, но из пересушенного горла не донеслось ни звука. Он жестами показал: «Воды!» Старец отдал приказание, и служители принесли кувшин с водой. Бывший раб пил долго, напоследок смочил лицо. Теперь можно было, наконец, поприветствовать гостеприимных хозяев.

– Ахлан, – хрипло проговорил он.

– Ахлан, – откликнулся верховный жрец, – кто ты? И почему едешь на повозке джиннов?

– Нам еще не приходилось видеть такого, – вмешался один из жрецов.

– Мне нужна ваша помощь, – беглец обернулся и показал рукой назад, – я ушел с медных рудников... Но я не преступник, – поторопился он уточнить, заметив тревогу на лицах храмовников, – меня отправили туда по ошибке...

– У тебя странный акцент, – сказал верховный жрец с подозрением, – к тому же ты приехал на колеснице джиннов. Мы не всегда рады незванным гостям, тебе бы следовало об этом знать.

– Колесницу я угнал у джиннов, – заметил беглец, – а акцент у меня такой, потому что я не так давно выучил язык вашего народа. И прибыл в ваш мир издалека. Мне нужна

помощь... – повторил он, чувствуя, что его захлестывает отчаяние.

– Хорошо, – решил верховный жрец, – мы пустим тебя под своды нашей капистулы, но знай, что если у тебя дурные намерения, боги покарают тебя за столь тяжкий грех.

– Я просто хочу поесть и выспаться, – ответил бывший раб, – мне нужно немного воды и еды, и я отправлюсь восвояси, а вы сможете и дальше пребывать в покое.

– Мы пребываем в молитвах и стремимся к пониманию этого мира, – возразил верховный жрец, затем повернулся. По мановению его руки храмовники расступились. Беглец вошел в жреческую капистулу, оглядываясь кругом с любопытством советского туриста, которому выпал счастливый случай побывать в резиденции папы римского...

– Смотри прямо перед собой, – услышал он голос верховного жреца, – только так ты сможешь узреть истинный путь.

«Начинаются наставления», – подумал бывший раб, но не стал говорить, что придерживается того же мнения, что и Остап Бендер: «Религия – опиум для народа». Еще обидятся, чего доброго, и выставят.

– Куда идти? – спросил он, потому что перед ним оказалось множество приземистых построек, мало чем отличающихся друг от друга.

– Если ты тот, кого я ждал, ты найдешь путь! – заметил верховный жрец, чем привел беглеца в замешательство.

«Старик явно не в себе, – понял он, – хорошо, попробуем

поиграть в эту игру».

– О да, я тот, кого ты ждал, но я надеялся, что путь ты покажешь мне сам!

Тут старик повел себя и вовсе странно, зарыдал и простер к бывшему рабу руки:

– Наконец-то.

Тот смутился. Испытывая неловкость, ляпнул:

– Да ладно те, папаш, показывай уже, где пожрать можно...

* * *

Богочеловек, скрестив ноги, сидел на голой земле. Ел вареную курицу. Вокруг – великое множество людей. Они следили за каждым жестом посланника Белого божества. И им казалось, что вокруг худого тела волнами расходится сияние, что атмосфера вблизи насыщена святостью и магической силой, равной которой нет нигде в мире. Две почти круглые сферы, прикрывающие глаза богочеловека, посверкивают в лучах заходящего солнца.

Так дивна эта картина, так необычайно благостна, что многие впадали в религиозный экстаз, падали перед богочеловеком на колени, плакали, заламывая руки. Одна из женщин рухнула в двух шагах от явленной миру святости и, конвульсивно содрогаясь всем телом, простерла к нему руки:

– Ты... о, это ты... ты!

Богочеловек косился на нее с неудовольствием, отбросил в сторону куриную кость, за которой немедленно кинулись последователи его необычного учения. За долгие годы, проведенные в землях Хазгаарда, богочеловек так привык к проявлениям религиозного фанатизма, что утратил всякую жалость к этим простым людям. Вразумить их не могло ничто. Люди в Хазгаарде слышали о богочеловеке столько небылиц (по большей части, сплошного вымысла), что сходили с ума от одного его взгляда.

– Ну и что ты тут скачешь передо мной? – обратился богочеловек к женщине, которая никак не могла успокоиться и беспрестанно кланялась. – Приди в себя, безумная.

Несчастливая замерла, не в силах поверить, что посланник Белого божества обратил на нее свой взор. И не просто обратил – он говорит с ней.

– Приди в себя, дура! – прикрикнул на нее богочеловек.

– О, Белое божество, – она ударила лбом о землю с такой силой, что все, кто стоял рядом, слышали звук удара. Тут богочеловек не выдержал, вскочил на ноги, схватил фанатичку за предплечье и рывком заставил подняться.

– Я смотрю, тебя так просто к разумности не вернуть! – сердился богочеловек и вдруг поступил очень странно – отвесил себе оплеуху. – Гляди, я тоже из плоти и крови! Я ничем от тебя не отличаюсь. Поняла?

– Я тоже из плоти и крови, – услышал он позади, затем раздался звук смачной оплеухи. И еще одной.

Богочеловек медленно повернулся.

– Я тоже из плоти и крови... я тоже... я тоже... из плоти и крови, – слышалось отовсюду. Оплеухи гремели, как выстрелы. Женщина окончательно впала в религиозный экстаз, она хлестала себя по лицу и вопила на одной ноте, словно атакующая гула:

– Я тоже-е-е и-и-из плоти-и-и-и и крови-и-и-и-и-и-и-и-и!

– Проклятье! – богочеловек с тоской воздел к небесам многострадальный взгляд. Он вздохнул и снова сел на землю:

– Они неисправимы. Сил моих больше нет, чтобы все это выносить.

Несколько быстрых пассивов, и он внутри большого матового пузыря. Белесые стенки оградили его от звуков внешнего мира – выкриков и оплеух, – Тишина! – блаженно выдохнул богочеловек и поправил сидящие на носу магические полусферы, которые, как считал Каркум Мудрейший, позволяли ему зреть в самую суть вещей.

Люди снаружи трогали оболочку пузыря и, восхищенные явленным волшебством, возносили молитвы Белому боже-ству за то, что оно направило к ним своего посланника.

* * *

Дворец владыки Саркона – упирающаяся в небеса гигантская пирамида, чье основание растянулось на многие кило-

метры. Под облаками кружатся пустынные сапсаны, сидят высоко на верхних ступенях пирамиды унылые черные грифы, склонив лысые головы, перекрикиваются в вышине орланы. Кто мог воздвигнуть этот колосс? Человеку построить столь величественное здание не под силу. Слишком слаб и немощен простой смертный, чтобы заложить основание обители Саркона, состоящее из громадных каменных блоков. На каждой ступени пирамиды могли бы разместиться целые человеческие деревни. А издалека кажется, что это и не пирамида вовсе, а четырехгранная лестница, по которой Черное божество может спуститься в созданный им в начале времен мир или взбежать по одной из сторон и запрыгнуть на небеса.

Пирамида построена несколько веков назад при непосредственном участии владыки Саркона. Поговаривают, что возводили ее все же люди, но не обошлось без помощи могучей магии. Одному Черному божеству известно, сколько людей полегло при строительстве. Тысячи и тысячи умерших.

Старики рассказывали, будто Саркон вдыхал в рабов нечеловеческую силу, благодаря которой они могли вдесятером поднять громадный каменный блок. Правда, потом сила исторгалась из них потоком, забирая с собой жизненную энергию, и они падали бездыханные на песок, но дело уже было сделано – очередной камень занимал свое место в основании пирамиды. Дворец владыки стоял на костях, каждый из блоков скользил на свое место по густой человече-

ской крови, и все они скреплены между собой загубленными человеческими жизнями.

На фоне дворца Саркона темнело множество крохотных построек – казармы воинов, шатры гул, магические лаборатории, где наиболее талантливые интуиты – силаты – вдыхали в оружие и предметы магию. Имелись в огромном количестве святилища и алтари, где жрецы приносили жертвы и возносили молитву Черному божеству, просили его не оставлять своих детей, наделить могучей силой его наместника на Земле – великого Саркона. В загонах резвились крепкие эвкусы – за ними ухаживали специально обученные ифриты. Рядом располагались ямы – в них содержались дикие собаки.

Временами ифриты швыряли вниз куски сырого мяса. Собак откармливали на убой – туши их регулярно поставлялись на стол самого Саркона.

На смотровых вышках, установленных по периметру пирамиды, дежурили стражи – ифриты. Чаще всего им приходилось скучать. Им некого высматривать вблизи дворца. Вряд ли кто-то рискнет сунуться в эти пустынные земли, где всецело правят джинны и во всем читается воля владыки Саркона.

Людей внутри пирамиды и рядом с нею совсем мало, только низшая обслуга дворца – те, кому доверено следить за чистотой, выгребать из загонов навоз, заниматься починкой дворцового имущества, а еще следить за исправностью уже вполне совершенных систем водопровода и канализа-

ции. Джинны уверены, что человек для того и создан, чтобы следить за порядком и чистотой и обеспечивать комфортное существование высшей расы. Правда, к красоте человеческих женщин силаты крайне равнодушны. Так что вблизи пирамиды, у казармы с солдатами, да и в самой пирамиде рыжеволосых девиц человеческого происхождения хватает. Нищета заставила их пойти с силатами. Те, что надеялись на роскошное существование, сильно обманулись.

Они живут ради скупой подачки, брошенного, как собаке, куска вяленого мяса. Правда, женщинам приходится быть вблизи дворца Саркона особенно осторожными – гулы самозванок ненавидят, многих располосовали огненными серпами. Девицы приходят сюда с караванами, редко кто возвращается обратно в родные края. Все они ложатся в землю, под тень кровавой пирамиды Саркона.

* * *

Придворный силат пробежал через отделанную зеленым мрамором живописную залу, обогнул фонтан (у воды блуждали пухлые, похожие на индюшек фазаны) и упал на колени перед тронем владыки Саркона. Ударился лбом об пол, да так и остался лежать в нелепой позе, ожидая повеления подняться. Владыка медлил. Он любил заставить своих подданных ждать. Однажды один из силатов двое суток просто-ял коленопреклоненный у подножия трона его владычества.

Он ничего не ел и не пил, ему приходилось справлять нужду, не сходя с места, но так и не двинулся, пока от жажды и утомления не потерял сознание и не повалился на бок.

Тогда Саркон поднялся с трона, подошел к силату и пошевелил его закругляющимся кверху носком сапога. Подобный жест явился огромной милостью. Бедняга поднял мокрое от слез лицо. Саркон протянул руку, и вассал со всей возможной страстью поцеловал перстень своего сюзерена (черный аметист в серебряной оправе).

– Встань и говори, – повелел владыка, к счастью для посетителя он был не в настроении для подобных забав.

– Ваше владычество, люди... – силат запнулся и с сомнением поглядел на наложниц Саркона.

Женщины человеческого происхождения возлежали по обе стороны трона, на бархатных коврах. Перед ними в бронзовых чашах стояли угощения – сладости, легкое вино, фрукты. Все, чем питаются люди. Владыка любил побаловать своих наложниц.

У Саркона имелась и законная супруга. Но с ней у владыки сложились непростые отношения.

Рыжеволосая Хазра не спешила подарить Саркону наследника, зато регулярно устраивала скандалы.

Как и у всех гул, характер у Хазры был отвратительный. Во время одной из бурных ссор супруга вцепилась владыке в лицо, от чего на его рябой, бугристой физиономии осталось три длинных шрама. Саркон часто подумывал о том, чтобы

уничтожить Хазру или хотя бы избавиться от нее, но государственная политика не позволяла. Благодаря супруге он имел поддержку у всех гул Хазгаарда.

А заодно и у всех ифритов – гулы отдавали громадным краснорожим джиннам предпочтение. Им нравилась их стать, сила и некоторые достоинства, связанные с внушительной физиологией.

– Говори, – разрешил Саркон, – их не интересуют наши дела.

– О великий владыка, – заговорил силат, – люди самозванца заняли крепость на северо-западе Хазгаарда.

– Что-о-о?! – взревел Саркон.

– Об этом сообщили ифриты, которым удалось спастись. Людей уже больше десяти тысяч. Они просто пришли и заняли крепость. Стражи ничего не смогли сделать. Численный перевес был на стороне людей.

– Как это не смогли сделать?! – владыка Хазгаарда вскочил с трона и, преодолев расстояние до придворного одним прыжком, сгреб его за воротник. Рядом с массивный Сарконом двухметровый силат казался подростком. – Люди слабы!

Они ничего, слышишь, ничего не могут против нашей мощи! У нас есть магическое оружие! Только мы можем наделить железо силой! Мы чувствуем, как вытекает из них и растворяется в воздухе липкий, вонючий страх! Как получилось, что они подпустили людей достаточно близко? Как по-

лучилось, что они не ощутили опасности... – Владыка гневался тем больше, что сам он тоже ничего не почувствовал. Хотя его мысленный щуп буквально вчера проходил вдоль северной границы. Он прозондировал крепость и всех, кто в ней находился.

Никто не выказывал и тени беспокойства. Один медлительный липкий покой и внушенное рвение к службе – гладкая, насыщенная его волей покорность... Этот странный богочеловек, которого он не мог обнаружить и смять, уничтожив его разум, начинал беспокоить владыку все больше. Неужели он в самом деле обладает такой магической силой, что способен противостоять ему?! Нет-нет, это просто неудачное стечение обстоятельств. Не может быть, чтобы кто-то в Хазгаарде, да и за его пределами, противился воле посланника Черного божества. Власть Черного божества простирается всюду, проникает во все предметы и явления этого мира. Если только Белое божество прислало свое чадо?..

Лицо Саркона, пока он размышлял, сложилось в такую страшную гримасу, что придворный силат начал тихонько подвывать от страха и попятился.

– Я... я... – он заикался от волнения. – О, владыка, я прошу прощения за дурную весть! – Он попробовал упасть на колени, но Саркон рывком поставил его на ноги и ударил в лицо массивным кулаком. Силат пролетел по меньшей мере десять шагов и рухнул в фонтан, подняв целую тучу брызг.

Наложницы, привыкшие к проявлениям гнева владыки, с самым безучастным видом продолжали поедать сладости. Лишь одна из них заливисто рассмеялась, но немедленно замолчала, когда Саркон заговорил.

— Люди! — владыка сжал кулаки. — Пусть только посмеют поднять голову...

Ифриты — стражи, стоящие по углам тронной залы, вытянулись в струну, зная, что Саркон имеет обыкновение вымещать на них гнев. В кулаках они сжимали Разящие секиры. Владыка бросил взгляд на одного из ифритов и заметил, что магическое оружие в его руке подрагивает. Это разозлило Саркона еще больше. Он направился к ифриту. Тот сжался в страхе, втянул голову в плечи и затрясся всем телом. На его счастье, владыка передумал устраивать экзекуцию. Развернулся и направился обратно к трону. Силат тем временем зашевелился.

Он шатался, выбираясь из фонтана, трогал разбитое лицо и шатался, и потому придавил хвост фазану. Птица издала возмущенный вопль и рванулась, оставив на мраморном полу несколько длинных, красочных перьев.

— Позови мне Каркума, — распорядился Саркон.

Силат сложился в низком поклоне, с его одежды лилась вода и собиралась на мраморном полу в лужицы.

— Поторопись! — рявкнул Саркон. И тот бегом кинулся выполнять указание владыки...

Мудрейший явился спустя пару минут. Вошел в тронную

залу быстрым шагом, всем своим видом демонстрируя, что очень спешил. Он всегда немедленно реагировал на зов владыки Хазгаарда, зная что тот терпеть не может нерасторопность приближенных. Во всех остальных случаях Каркум предпочитал действовать неторопливо, тщательно обдумав все варианты развития событий и последствия своих слов и поступков. Мудрейший прошел через залу, опустился на колени перед троном и коснулся лбом пола. Этикет, принятый во дворце, касался и первого силата Хазгаарда.

– Встань! – милостиво позволил Саркон, вскочил с трона и зашагал из стороны в сторону, заложив руки за спину.

Мудрейший медленно поднялся. Лицо его оставалось непроницаемым, хотя перед гневом владыки испытывали ужас все, кроме разве что его супруги Хазры. Но она была гулой, а гулам неведомы такие чувства, как страх и поклонение. Ими движет лишь слепая страсть и ненависть к соперницам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.